

Тюмень Литературная

Первый номер
вышел
в июле 1972 г.
Основатель
и бессменный
редактор
Николай
Васильевич
Денисов

Журнал русской литературы и культуры
Россия • № 7 (127) 2017 г. • Тюмень

Николай Васильевич Денисов
(07.11.1943–30.10.2016)

Основатель и бессменный редактор газеты
«Тюмень литературная»

«НЕСОМНЕННО, РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЖИВА...»

Идет девятый год нового столетия*, и то, что недавно еще в утренней сумеречности XXI века представлялось призрачным и неопределенным, теперь раскрылось в полную и ясную картину.

В преддверии очередного съезда писателей России, разумеется, надо говорить о литературе. О ней и будем говорить...

Но так же, как, просыпаясь поутру, каждый из нас прежде всего интересуется погодой, словно некой обязательной мерой настроения и действия, так и заниматься литературой, да и любой другой деятельностью, не сверить свои шаги и слова с разразившимся экономическим кризисом – не получится. Он был предопределен, миновать его было невозможно...

Прежде-то случился кризис литературы, искусства, нравственности и совести. Никогда нравственность не падала так низко, а над совестью не издевались так бесстыдно. Общественные нормы и понятия добра и зла снялись; деньги стали мерилом всего и вся, притом в таких суммах, что прежде и не снились. Банковские спекулятивные операции невиданного размаха, воровская олигархия и послушная власть, неслыханная алчность одних и бедность других, извращенные вкусы и немереные аппетиты – все это и многое другое того же рода образовало столь огромные пустоты в государственном организме, что не лопнуть они не могли.

И новая литература, хлынувшая на товарный рынок в своем бесстыдстве, дешевой развлекательности и никчемности, тоже сыграла в этой дешевой бутафории свою роль.

Я писал тогда: «Несомненно, русская литература жива, пока жива Россия. Жизнь государственных и духовных организмов не имеет мгновенного пресечения. Государство по имени Россия может существовать еще долго, но по смыслу, по духу своему не быть Россией. И литература в такой России, потерявшей свой дух и смысл, свое назначение и настроение, способна измениться настолько, что правильнее говорить об ее умирании, нежели обольщаться какими-то новыми этапами. Литература, как и культура в целом, только тогда жива, какие бы тяжкие кризисы она ни испытывала, когда она органически, неотрывно

связана с национальной душой и обращается к народной жизни. Как только не останется этой связности, этой любви, литература обречена. Она истаскается, отдаваясь чувствам «на стороне», и обесценится».

Внешне Россия остается как будто по-прежнему Россией. Но если взглянуть – это внешность сохранившихся родимых пятен, а не нашего лица. Сейчас, спустя полтора десятилетия, это видно особенно отчетливо. От отечественного образования остались рожки да ножки, его окончательно теперь заглатывает компьютер, этот всемогущий учитель и всемогущий растлитель.

Читают теперь всё меньше. И читают, в основном, люди старшего поколения. Несмотря на героические усилия таких журналов, как «Наш современник», «Москва», «Роман-журнал XXI век», а в провинции «Сибирь» и «Дальний Восток», – тиражи невелики. Проза, мать литературы, теряя читателей, словно на глазах начинает блекнуть, стариться. Поэзия и публицистика чувствуют себя уверенней, но, должно быть, и их ждёт со временем та же участь.

Новая Россия, выползающая из лона России многовековой, исторической, самодостаточной, родственная ей, но уже иная, доступная новому родству, прихваченная ветрянкой мирового суетного порядка, – новая Россия уже диктует правила и законы своей жизни. Никогда, никогда до последнего часа не закроем мы ни двери, ни сердца свои перед тысячелетней Родиной, гены и дух которой несём в себе как самое большое богатство. Но ведь и нам уходить... А последующим поколениям, судя по всему, перемены принимать станет легче.

За прошедшие пятнадцать лет (с 1994 года, когда мы с помощью баррикад отстояли здание на Комсомольском) писателям России не в чем упрекнуть свое руководство. В том, что наш творческий союз выстоял и не потерял активности и соборности – заслуга председателя и его помощников. Мы привыкли принимать как должное, что вовремя, по уставу, несмотря на безденежность и откровенно враждебное отношение власти и либеральной камарильи, задававшей тон в культуре, проходили пленумы и съезды, находилась поддержка журналов, достойные книги отмечались и отмечаются премиями отнюдь не от олигархов. «Он уважать себя заставил» – эти слова с полным правом можно отнести к нашему творческому союзу. Вспомним опять те же 90-е годы, когда на Комсомольский, 13 смотрели как на вражеское гнездо, между тем как наш Дом все больше становился оплотом патриотической России. И выстоял – подобно Брестской крепости в начальные дни Великой Отечественной.

А разве была это только литературная или только общественная работа, когда писатели вот уже десятилетие вместе с Православной церковью стоят на защите отечественной культуры и образования?

Нашей победы в этом противостоянии, признаться, нет, но ведь и «реформаторы» не достигли желаемых результатов. «Всё впереди», как предвидел наш товарищ по литературе. Не отдать великую отечественную литературу, не отупить русское слово, песню, держаться за родное до последнего – это сейчас дорогого стоит.

Вечная память. Вечная слава

• КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Подхватить выпавшее знамя

Написал эти слова, и дрогнуло сердце: это я говорю за него. Значит, мне надо усвоить его бескомпромиссную интонацию, его напор, его правду.

После похорон основателя и бессменного редактора Николая Денисова неотвратимо стал надвигаться вопрос: «Кому поручить «Тюмень литературную»? И оказалось, что среди тюменских (городских) членов СП нет желающих. И то правда:

не всем дано, а из могущих все определены, у всех неотложные планы и обязанности. Не собирался Николай Васильевич в отставку, вот и не подумал о достойном преемнике.

Только я не мог отказаться, потому что за плечами 45 лет знакомства, дружбы, землячества. Мы, бывало, расходились, но через время мирились объятиями, и не выясняли, кто больше виноват. Один мой бывший знакомый, зная эту ситуацию, недоумевал: «Как это у вас, русских: вчера поссорились, завтра помирились? У нас не так: разошлись – значит, навсегда». Я улыбнулся: «Мы русские, понимаешь? И так, как вы – не можем, не умеем и не хотим».

Едва ли надо еще раз говорить, что Николай Денисов был и остается одним из ведущих русских поэтов, да и в прозе он вряд ли кому уступит. От лирических «На закате солончаки багряные» до эпического «Русского креста», за который он единственный в обозримых палестинах получил высочайшую для писателя премию «Имперская культура» – все ему было под- сильно.

Но ему и этого казалось мало. Когда схлестнулись идеологии, когда в родном селе мужики берут за грудки: «Куда мы идем?» – что оставалось сыну фронтовика, Почетному гражданину родного Бердюжского района, патриоту, отвергнутому компартией еще в советское время? И он вернулся к журналистике, возобновив издание «Тюмени литературной». Не все ее приняли однозначно. Снобы и «приближенные к телу» воротили сытые морды, а народ читал, почти во все районы рейсовыми автобусами, договорившись с водителями, отправлял редактор пачки журналов тем, для кого работал.

Я надеюсь на поддержку прежде всего писателей, много лет проработавшим с Денисовым и под руководством Денисова, ответственного секретаря областной организации Союза писателей России. Да, не все получилось, как хотелось бы, но сохранилась организация, приходили новые люди, а нам все казалось мало. Мы критиковали руководителя, и я критиковал. Наконец, было принято решение об отставке, но лучше от того не стало. «ТЛ» будет показывать жизнь писательского сообщества такую, какая она есть.

Я надеюсь, что те деловые люди, которые постоянно оказывали изданию финансовую поддержку, не отвернутся от «ТЛ» в это трудное время.

Уверен, что Правительство Тюменской области продолжит финансовую помощь нашему изданию.

«Тюмень литературная» будет издаваться в память об ее основателе и бессменном редакторе Николае Денисове.

Николай Ольков

Памятник Н. Денисову из тысячи стихов

11 марта в ОНБ им. Менделеева подведены итоги конкурса памяти поэта.

Завершился «незаконнорожденный» открытый поэтический конкурс имени Николая Денисова, с которым мы простились 30 октября минувшего года. Авторитет Денисова в поэтическом и читательском мире столь велик, что конкурс, задуманный как местечковый, районный, перешагнул все административные препоны и вышел на уровень Всероссийского. В нем приняли участие 105 авторов, третья часть – профессиональные поэты. Но и самодеятельные авторы преподнесли много сюрпризов.

Активное участие в конкурсе приняла Орловская организация Союза писателей России во главе с руководителем Андреем Фроловым. Трое стали призерами. Особой благодарности заслуживают энтузиасты, работающие в самодеятельных литературных объединениях. Мощно был представлен литературный клуб «Живой родник» городка Суровикино Волгоградской области, которым руководит Гульнара Турецкая. Показали себя и воспитанники Светланы Хохловой из Ассоциации «Поэты Тюменской области».

География конкурса – вся наша замечательная поэтическая Россия: Калининград, Орел, д. Крюково Московской области, Астрахань, Нижний Новгород, Ростов-на-Дону, с. Петрицево Московской области, Оренбург, Иркутск, Москва, Крым, Вена (Австрия), Рязань, Псков, Уфа, Екатеринбург, Кемерово, Челябинск, Омск, Астрахань,

Продолжение на стр. 6

Тюмень литературная

ПРОЩАЛЬНОЕ СЛОВО О ДРУГЕ

30 октября с. г. в Тюмени скончался известный русский поэт и прозаик Николай Васильевич Денисов.

Он был из окуневских староверов, и этим гордился. Не будучи крещеным в детстве, окунулся в купель в маленькой русской православной церкви в Венесуэльском Каракасе, уже будучи известным писателем в гостях у потомков легендарного командира «Варяга» В. Ф. Руднева. У него необычно все. Всю жизнь прожил в городе, но остался деревенским по взглядам, по оценкам, по речи даже. Его книжку «На закате солончаки багряные» о детстве и юности мог бы, кажется, написать любой послевоенный мальчишка – по схожести фактов жизни, деревенских забав и чувств. Он любил свое Окунево, старинное село, столицу сибирского старообрядчества. Любил знаменитое Соленое озеро. Может, у этой тихой воды и забродили мечты о море, он возжелал служить на флоте. Одели форму, но отправили охранять главный штаб ВМФ СССР. В ней и пришел в Литинститут, в семинар Виктора Бокова и Михаила Львова, которых боготворил. По первой профессии тракторист, он после Литинститута, став членом Союза писателей в 1975 году, через бывшую тогда Морскую комиссию СП устраивался матросом, коком, механиком на промысловых и торговых судах, бороздил океаны, побывал в Арктике, в портах Европы, Латинской Америки, Юго-Восточной Азии.

И всюду писал стихи. Их много, он так и не успел собрать итоговый том поэзии. А вот прозу собрал за три месяца до смерти. У него большая полка своих книг, изданных в советское время в Москве и Свердловске, потом в Шадринске, Ишиме. Но особой гордостью была «Тюмень литературная», основанная им в 1972 году, возобновленная в 1989 и выходящая до сегодняшнего дня. А при ней – библиотечка, в которой вышло более тридцати книг начинающих авторов.

Денисов занял заметное место в текущем литературном процессе. Его книги отмечали премиями: имени П. П. Ершова, Д. Н. Мамина-Сибиряка, Н. А. Некрасова, «Имперская культура». Четырнадцать сложных лет Николай Васильевич возглавлял Тюменскую областную организацию Союза писателей России. А земляки еще в далеком 1985 году признали поэта Почетным гражданином Бердюжского района.

Мне тяжело говорить другу прощальные слова. Мы одних краев, одними дождями омывались, одни росные травы мяли босыми ногами. Иногда схватывались, но хлопали друг друга по плечу – да все это пыль. Главное – русская литература.

Прощай, друг. Библиотека в Бердюжье будет носить твоё имя навечно. А я привезу на твою могилу горсть окуневской земли с того поля, которое ты пахал в семнадцать лет.

Николай ОЛЬКОВ

Секретариат правления Союза писателей России и редакция «Российского писателя» выражают глубокие соболезнования родным и близким Николая Васильевича Денисова.

Марина Александрова:

– Я благодарна Николаю Васильевичу Денисову за то, что он многие годы сохранял тёплые дружеские отношения с нижевартовцами. Литературные десанты 1970-х, поэма «Снега Самотлора», другие произведения, публикации нижевартовцев в «Тюмени литературной» в августе 2016 года на-

мер посвящён нижевартовцам, последний номер Тюмени литературной, который выпустил Николай Васильевич. Упокой, Господи, душу Денисова Николая Васильевича. Царствие небесное хорошему честному русскому человеку.

Тархановы:

– Скорбим вместе со всеми. Добрая память о интересном человеке, замечательном поэте, писателе, гражданине своей страны пусть долго-долго живет в наших сердцах. Царствие тебе небесное, Николай Васильевич! Мир праху твоему.

Борис КОМАРОВ:

– Честно говоря, в Тюмени от отделения Союза писателей России мало чего осталось... Разве только союз любителей литературы, возникновения которого так боялся Николай Васильевич. Организация прекратила истинно литературную деятельность с момента отчуждения его от руководства. Ведь Денисов – это литература, а всё остальное вздор и суета. И его фигура, его значимость будут расти и расти по мере удаления от того трагического дня – дня его кончины. Вечная ему память...

Николай:

– В этом стыдно признаться, но писательская организация не принимала участия в организации похорон Николая Денисова.

Сергей АБРАМОВ:

– Вечная память! Вечная память! Вечная память! Да будет русская земля духом истинно русскому человеку, рабу божьему Николаю.

Владимир ПОДЛУЗСКИЙ:

– Имя Николая Васильевича Денисова мне известно добрых три десятка лет. Встречал его в толстых журналах. Последние годы в «Российском писателе» Николай Васильевича читал с упоением. Его имя всех врагов точно переживёт! Прощай, дорогой наш классик двадцать первого века Николай Денисов!

Сергей ТИМШИН:

– Николай Денисов умер в 3 часа дня 30 октября 2016 года.

Друг мой старший! Однажды я тоже умру, Улечу за безмолвный предел...

Но, прощаясь с планетой, я б тоже хотел Умереть среди белого дня, на миру – Так, как жил в этом мире и пел...

Александр МИЧКОВ:

– Какой ужас! – не стало замечательного Человека...

Мой Издатель, Друг по переписке. Подарил мне несколько своих книг. Всегда обязательный. Точный и благожелательный в комментариях. Книги его проглатывал. Верное перо и, главное, – позиция. Своя. Честная, Сибирская. Народная.

Мои чувства – Скорбь и Благодарность за всё... Думаю, Писательство Тюмени должно сохранить его детище – «ТЛ».

Ради Памяти...

Александр ИВАНОВ

(Олькову):

– В Вашем лице хочу поклониться всей тюменской писательской организации за то, что достойно проводили в последний путь нашего большого русского поэта.

Часто бывает так, что все надеются друг на друга и узнаем мы об утратах через годы. Кланяюсь Вам за то, что исполнили свой долг перед своим товарищем и нашим выдающимся коллегой.

Жаль, что, как всегда, истинный масштаб поэта Николая Денисова понимать мы можем только оглядываясь на него, уже ушедшего.

От нас ушел большой, редчайший поэт и умный прозаик...

Юрий ПЕРМИНОВ:

– Горько, больно... Созванивались часто в последнее время, попросил написать меня предисловие его книге прозы... Сам уже до седин дожил, а с юных лет не забылось, с каким восторгом открывал для себя поэзию Николая Денисова, как в одночасье он стал одним из самых почитаемых и читаемых мной поэтов, как с первого прочтения навсегда запомнились многие его строки. Царствие тебе небесное, дорогой друг, мой старший товарищ! Это ты, твоё поколение детей войны и воспитало меня, а я был и остаюсь сыном вашего полка. Ставлю точку здесь и... плачу, и не стыжусь своих слёз...

Валентина (Ерофеева) ТВЕРСКАЯ:

– Царство Небесное земляку, поэту и гражданину...

Омские писатели, все кто хорошо знал Николая Васильевича, выражают соболезнования родным и близким.

Николай ДЕНИСОВ, Кетово:

– Вечная память моему тезке. Еще совсем недавно переписывались...

Отличные его гражданские стихи:

«ДЕВЯНОСТО ТРЕТИЙ ГОД

Когда громили танки Дом Советов,
Я горько пил, присутствуя при этом.
И багрянел от крови сам собой
Телеэкран когда-то голубой»...

Юрий ФАДЕЕВ:

– Ушёл из жизни Николай Васильевич Денисов, несомненно, классик русской поэзии и прозы. Инициатор создания литературного музея на малой родине с. Окунево. Гражданин, Патриот, Человек с обостренным чувством справедливости! Царствия небесного Николаю! Искренние соболезнования родным и близким.

Анатолий АВРУТИН:

– Царствие Небесное рабу Божьему Николаю! Мои соболезнования близким! Вот и еще одна брешь в русской словесности... Скорблю!

Сергей СМЕТАНИН:

– Мои соболезнования родным и близким Николая Денисова, замечательного поэта и прямодушного, искреннего прозаика. Творчество его осталось с нами, будем долго читать и сопереживать непростой русской эпохе вместе с ним.

Сэда ВЕРМИШЕВА:

– Присоединяю свой голос ко всем, выразившим соболезнование и скорбь по случаю кончины Николая Васильевича Денисова.

Валерий:

– Офицерская кочевая судьба свела меня с Николаем в далёкие и легендарные 80-е годы прошлого века в Новом Уренгое на строительстве газопровода Уренгой-Помары-Ужгород. Он был уже известным в Сибири поэтом и прозаиком, я – военным журналистом солдатской многотиражки на строительстве газопровода, делал первые шаги в поэтическом творчестве. Мы больше не встречались лично, но я периодически читал его поэзию, прозу и публицистику в различных СМИ и на сайте «Росписателя». Настоящий русский писатель и человек, с обостренным чувством правды и справедливости, с болью воспринимавший все нестроения и бездушие нашей постсоветской действительности. Царство небесное и мир праху твоему, дорогой со- брат!

Николай Денисов:

«Вижу Русь колдовскую во мгле...»

Глумление над памятью поэта продолжается

Поздним октябрьским громом разорвало тюменскую литературную тишину сообщение о смерти известного русского поэта и прозаика Николая Васильевича Денисова. К тому времени он уже отошел от руководства организацией Союза писателей России и вообще оказался в стороне от того, что в ней происходило. Конечно, переживал, когда новый руководитель Иванов Л. К. отринул наработанное и занялся собственным обустройством в литературном мире: участие в торжествах, конкурсы с личным присутствием на подведении итогов, награда за наградой.

Печальному исходу предшествовали несколько мучительных недель, когда жена и родственники перевозили больного из одной больницы в другую, где ему было еще хуже. Наконец, как и заведено в современной медицине, пациента отправили домой. Умирать.

Странно, что еще в далеком 1969 году молодой 26-летний поэт пишет это стихотворение:

ВОЗГЛАС

Отболела душа, опустела,
Дальше некуда больше пустеть.
Остается рассудку и телу
Где-нибудь в Винзилях* околоть.
Или вовсе, влачась без заботы,
Как иной, притворяясь живым,
Обжираться до рвоты, икоты
По банкетным столам даровым.
Всюду рабская удаль да пьянство.
Вижу Русь колдовскую во мгле.
И душа выбирает пространство.
Нет пристанища ей на земле.
Может быть, и не худшее дело –
Вознеслась, упорхнула в зенит –
Поразмыслить над тем, что болело,
И над тем, что еще кровенит.

В то время, безмятежное и разгульное, никто не обратил внимания на пророчества и на счет Винзилий (в которых ему потом пришлось провести несколько страшных дней), и на колдовскую мглу по когда-то светлой и святой Руси, и на то, что в 26 лет поэт признается: «Отболела душа, опустела, дальше некуда больше пустеть...». Не сразу понятно, почему так названо стихотворение. Словари к слову «возглас» постоянно лепят эпитет «радостный». А тут какая радость? Тогда что? И в одном толковании наткнулся на зацепку: возглас – как часть молитвы. Не это ли имел в виду поэт?

*Винзили – пригородная психиатрическая лечебница).

Летом 1974 года Тюмень простилась с самым талантливым прозаиком Иваном Ермаковым. Рассказывают, что группа писателей пошла в обком партии, все-таки Ермаков – это фигура, и похоронам следовало бы придать соответствующий статус. Партийный функционер ответил: «Похоронить, как простого советского человека». Почему эти слова так врезались в сознание уже тридцатилетнего Денисова и стали эпитафией его завещания?

ДРУЗЬЯМ

– Как будем хоронить известного поэта
N.N.

– Похоронить, как всех трудящихся хоронят.

(Из разговора в обкоме партии).

...Я умру, вы в обком не ходите,
Оградите от лишних помех,
В чистом поле меня схороните,
Где хоронят трудящихся всех.
Там и лягу в глухой обороне,
Там додумаю думу свою –
Ту, что я на земле проворонил,
А порою топил во хмелю.
А подступят бесовские хари,
С ними я разотчусь как-нибудь.
В одиночку, вслепую нашарю
В небеса предназначенный путь.
Снова будут дороги крутые.
И в конце, как простой пилигрим,
Постучусь во врата золотые:
«Слава Богу, добрался к своим...»

Когда он умер, обкомов уже не было, но была и есть всемогущая администрация области. Никто не похлопотал о более приличном и доступном для поклонников месте погребения. Как и Ермакова, Денисова унесли в самый дальний угол кладбища. Власть представлял советник губернатора Александр Новопащин, открыто называющий себя учеником Денисова. Александр Павлович провел траурную церемонию до конца, включая поминальный обед, оплаченный бюджетом.

А что же писательская организация? Руководитель, как это часто бывает, в дальней командировке, узнал, связался с советником губернатора, дал руководящие указания (кому? – бывшего четырнадцать лет руководителем Тюменского отделения СПР проводили четыре-пять членов Союза). Зачем эта имитация бурной деятельности? А семья? Вдова и дети с внуками? Но не мог Иванов звонить жене, и до сих пор не звонил, потому что лютой ненавистью воспылал к предшественнику еще с тех времен, когда собрание

во главе с Денисовым неоднократно отказывало ему в приеме в писатели. Потому что его опус «Леший» был признан графоманским и до невозможности похабным, с непотребными извращениями, смачно описанными доктором политических наук (есть у Иванова такой диплом еще с коммунистических времен, больше он к науке не прикасался). Но Иванов не зря столько времени по вторым и третьим этажам администрации служил, технологию обращения с властью усвоил, слетал в столицу и вернулся членом СП России. А дальше поперло: бессменный и единоличный ведущий телерадиопрограмм и рубрик в газетах, редактор альманаха «Врата Сибири», и, наконец, ответственный секретарь регионального отделения СПР. Куда уж выше?

Еще у могилы Денисова Новопащин поинтересовался, что намерена сделать писательская общественность для увековечивания памяти ушедшего товарища. Я горько улыбнулся и напомнил, что де факто в организации не состою, Иванов два года назад подчеркнул: «Для меня писателя с фамилией Ольков не существует». Но пообещал на родине поэта в Окунево и Бердюжье сороковой день отметить поминальными встречами земляков. Иванову Новопащин поручил организовать такую встречу в Тюмени, но тот предпочел траурному собранию веселое застолье на юбилее приятеля.

Еще говорили с Новопащиным о конкурсе стихов в память поэта. Я разработал положение о районном конкурсе, но потом одумался: а сколько же участников мы сможем собрать? Тогда связался с главой района В. А. Рейном и директором областного департамента культуры В. Л. Новакаускасом. Оба дали согласие, и через некоторое время меня приглашают в департамент. На всякий случай везу проект сметы, потому что конкурс уже идет, в папке более сорока авторов, от Иркутска до Калининграда и Крыма, не говоря о тюменцах. Правда, ни одной заявки от членов СПР области так и не поступило.

Наивно я полагал, что будем обсуждать смету и дальнейший порядок работы. Напротив меня за столом вдруг оказался Иванов, весь в белом, но не пушистый, его правая рука Захаров в привычном своем серо-коричневом пиджаке с медалью какого-то конкурса, и солидная дама, так и не успевшая прибрать взмошки от быстрой ходьбы волосы, и они разбежались по голове, как кому хотелось. Меня смутила ее просторная цветастая кофта, более подходящая для субботника на кухне, чем для официальной встречи в госучреждении. Но и это бы не имело значения, если

бы Иванов после моего краткого сообщения сиплым голосом не сказал, что не далее как вчера бюро писательской организации приняло решение просить департамент культуры этот самостоятельный конкурс запретить и не финансировать. Потом Захаров стал полоскать личность Денисова, назвав его виновным в развале организации, плохим прозаиком и жуликом. Я вспомнил, что года три назад Захаров обвинял отсутствующего Денисова в том, что тот присвоил акции какого-то дома печати, и уже через три месяца после похорон обвинения звучат снова с угрожающей силой. Ни обращения в органы, ни суда следствия, один треп. Наконец, дама, оказавшаяся О. Ожги-Бесовой, автором опубликованной Казанской районной газетой статьи обо мне, в которой признавала меня неучем, графоманом и плагиатором. Происхождение статьи не вызывало сомнений, без Иванова тут не обошлось, иначе он не стал бы с такой энергией рассылать ее по электронке во все адреса. И своевременность тоже, Иванов знал, что район готовит документы для присвоения своему земляку Олькову звания «Почетный гражданин района». Ну, подумайте вы сами, кто после такой статьи, на которую я не счел нужным отвечать, будет голосовать за Олькова?

Мне показалось, что происходящее было большой неожиданностью для хозяина кабинета, он интеллигентно свел к тому, что средств мало, а впереди еще конкурс молодых поэтов. Смущенно объявил, что конкурс следует провести в рамках Бердюжского района и закрыл совещание. Поскольку организационная часть работы уже проведена, я пошел к главе Бердюжского района, где родился Денисов и чьим Почетным гражданином является с 1986 года. Глава Виктор

Александрович Рейн в районе человек новый, по многим вопросам своего мнения не имеет, и, по-моему, излишне осторожен. Он поднял со стола два листочка бумаги, распечатки инструкций Новакаскаса и Иванова. Стало ясно, что он тоже отказывается от учредительства и, соответственно, финансирования. Пришлось занизить потребность и назвать хотя бы двадцать тысяч. Ответ один: в этом мероприятии мы не участвуем.

А ведь было еще одно дело, в котором глава тоже оказался в стороне от решения, пустив его на самотек на рассмотрении районной думы. В 2015 году, названном годом литературы, тюменцы решили присвоить имена писателей районным и городским библиотекам, и что особенно привлекало – имена ныне здравствующих. Один из критериев – возраст более 70 лет. Понятно, что за Денисова СПР не просил (чужой!), но несколько областных и районных общественных организаций принесли в администрацию района ходатайства о присвоении Бердюжской районной библиотеке имени Николая Денисова. Меня, как инициатора, пригласили на заседание районной думы, я подробно рассказал творческую биографию земляка, потому что видел: добрая половина депутатов кроме «Муму» ничего не читала, изложил основные пункты типового Положения об этом акте. Поблагодарил за внимание и ушел. А зря.

Когда на второй день попросил копию решения, мне объявили: депутаты увеличили возрастной ценз до 75 лет. Я к Рейну, он разводил руками: поступило такое предложение. Пытаюсь вернуть его в реальность: но мы же с тобой договорились! А он показывает письмо Иванова, категорически запрещающего возиться с именем Денисова. Рейн осторожно спрашивает, велико ли значение

и статус в области этого Иванова. Я успокоил: не более, чем у руководителя кружка мальчиков-онанистов. И Рейн вновь обещает решить вопрос в ближайшее время. Это пятнадцатый год. Проходит шестнадцатый. Умирает Денисов. Я прихожу к главе и едва себя сдерживаю: Денисов освободил вас от всяких условностей, так решите, наконец. Решили. Вместо районной библиотеки (повсеместная практика в области) имя поэта присвоили библиотечке его родного села, по-другому – комнатке в доме культуры. Напрасно внушаю руководителю района, что у думы не было оснований даже говорить о сельской библиотеке, потому что добрый десяток ходатайств просит о присвоении имени районной библиотеке. Глава прячет взгляд. На том и прощаемся.

О лишении конкурса финансов я сообщил в сетях: «Поэзии затыкают рот!». За сутки пришли двенадцать заявок, пять профессиональных поэтов, знавших Денисова, успокаивали: «Николай, мы участвуем не ради премии, а в память о друге». А одна девочка написала: «Каждое стихотворение конкурса – это свеча в память большого поэта». Это был, наверное, единственный случай, когда конкурс в формате общероссийского организовывал один человек без рубля помощи. Конкурс завершен, но осталось много вопросов, ибо при этом все себя проявили до ногаты, ныне ясно, кто чего стоит.

А память о поэте Николае Денисове жива и переживает светлых русофобов, графоманов и их приспешников.

Николай Ольков.

PS. Уже после подведения итогов по пять тысяч рублей прислали Общество русской культуры (Т. Н. Трунилова) и земляк поэта В. К. Гейн. Спасибо им.

* * *

Окончание. Начало на стр. 1

Памятник Н. Денисову из тысячи стихов

Тюмень, Нижневартовск и многие районы ХМАО. Заявились семь сельских районов области, в том числе родной для Денисова Бердюжский, приславший девять работ.

Все тюменские поэты конкурс дружно проигнорировали.

Самый юный участник – Ирина Приймак из Омска, самому старшему 78 лет.

В жюри на общественных началах работали поэты Николай Шамсутдинов и Ольга Данилова, прозаик и редактор Николай Коняев. Обсуждение не было простым, но к общему решению приходили. Не все будут согласны, но, как говорится, решение жюри не обсуждается и изменению не подлежит.

Победители в номинациях «Мастера» и «Народные родники» получили Дипломы и золотую статуэтку древнегреческой богини Ники, символа Победы.

Лауреатом конкурса в номинации «Мастера» назван Владимир Волковец (п. Советский, ХМАО), дипломы Победителей и золотая «Ника» вручены Андрею

Фролову (г. Орёл) и Владимиру Скифу (г. Иркутск).

В номинации «Народные родники» лауреатом признан Павел Великжанин (г. Волжский, Волгоградская область), дипломы Победителей и золотая «Ника» присуждены Сергею Боровскому (д. Малая Ченчерь, Казанский район, Тюменская область) и Евгении Марковой (г. Тюмень).

Дипломы в номинации «Самый молодой участник конкурса» присуждены Дарье Ильговой (с. Ольховатка, Воронежская область), Роману Поплавскому (г. Тюмень) и Дмитрию Ханину (г. Ростов-на-Дону).

Дипломами оргкомитета отмечены: Орловская организация Союза писателей России, Ассоциация «Поэты Тюменской области» и литературный клуб «Живой родник» из Волгоградской области и их руководители. Восемь дипломов оргкомитета присуждены отдельным участникам за конкретные творческие достижения. Памятные дипломы оргкомитет вручил членам жюри конкурса.

Оргкомитет.

Каким был Николай Второй?

1. Знал пять иностранных языков. Блестящее образование (высшее военное и высшее юридическое) соединилось у него с глубокой религиозностью и знанием духовной литературы. Отслужил в армии. Имел воинское звание полковника. Когда генералы и фельдмаршалы уговаривали его пожаловать себе хотя бы генеральское звание, он отвечал: «Вы, господа, о моём чине не беспокойтесь, вы о своей карьере думайте».

2. Был самым спортивным русским царем. С детства регулярно делал гимнастику, любил плавать на байдарке, совершал переходы по несколько десятков километров, обожал скачки и сам участвовал в таких соревнованиях. Зимой с азартом играл в русский хоккей и бегал на коньках. Был прекрасным пловцом и заядлым бильярдистом. Увлекался теннисом.

3. Вещи и обувь в царской семье переходили от старших детей к младшим. Сам Государь был настолько скромным в личной жизни, что до последних дней носил свои «жениховские» костюмы.

4. Средства из Лондонского банка, примерно 4 миллиона рублей (представьте нынешний эквивалент!), оставшиеся там ему от отца, без остатка были потрачены на благотворительность.

5. Не было отклонено ни одно из ходатайств о помиловании, дошедших до Царя. За всё время его правления вынесено и исполнено меньше смертных приговоров, чем в СССР казнили в день, в плоть до самой смерти Сталина.

6. Количество заключённых гораздо меньше, чем в СССР или РФ. В 1908 г. на 100 000 чел. заключённых – 56 чел, в 1940 г. – 1214 чел, в 1949 г. – 1537 чел., в 2011 году – 555 чел.

7. Число чиновников на 100 000 человек в 1913 году – 163 чел. И уже спустя сто лет жизни без Царя, в 2010 году – 1153 чел.

8. В Тобольске, в заключении Семья ни на день не оставалась праздной, Государь колдовал дрова, чистил снег, ухаживал за садом. Солдат, из крестьян, увидев всё это, сказал: «Да если бы дать ему кусок земли, он бы себе Россию своими руками обратно заработал!».

9. Когда временщики готовили обвинение Царю в измене, кто-то предложил опубликовать личную переписку Николая Александровича и Государыни. На что получил ответ: «Нельзя, тогда народ признает их святыми!».

10. В трагедии на Ходынке Царь не виноват. Когда он узнал об этом, тогда сразу же оказал погибшим и пострадавшим большую материальную и моральную помощь.

11. В 1905 году революционеры сами начали стрелять по войскам. И

погибших было 130 человек, а не 5000, как говорил русофоб и богорезец Ленин. Даже тем, кто в ответном огне оказался раненым, была оказана немедленная медицинская помощь, все пострадавшие были доставлены в больницу. А Царя в этот день вообще в городе не было. Когда он узнал об этом, оказал погибшим и пострадавшим большую материальную и моральную помощь. Из своих личных средств выплатил каждому пострадавшему компенсацию в 50.000 р. (огромные деньги на то время). В 1905–1907 годах революцию удалось предотвратить благодаря твёрдой воле Государя.

12. Создал величайшую по силе, мощи и процветанию Империю, которой не было равных ни до, ни после него.

13. Православная Российская Церковь была мощнейшей церковью в мире. Только к 1913 году в Империи насчитывалось 67 тыс. церквей и 1 тыс. монастырей, раскинувшихся абсолютно по всей территории РИ. Русская Церковь обладала огромным влиянием на Святой Земле, покровительствовала православным христианам не только в Европе, но и в Азии, и даже в Африке.

14. За 20 лет его правления население России увеличилось на 62 млн. человек.

15. Проверил новую систему снаряжения пехоты лично при марше в 40 верст. Никому, кроме министра двора и дворцового коменданта, об этом не сказал.

16. Сократил службу в армии – до 2 лет, во флоте – до 5 лет.

17. Во время первой ВОВ (Первая мировая), постоянно выезжал на фронт, да еще и часто вместе с сыном. Тем самым показал, насколько сильно любит свой народ, что не боится умереть за него и землю Русскую. Показал, что ни капли не боится смерти, и чего-либо другого. А после, еще и в тяжелейшее для русской армии время, Царь принял на себя Верховное командование войсками. Пока Государь возглавлял войска, неприятелю не было отдано ни пяди земли. Войска Николая не пустили войска Вильгельма дальше Галиции – Западной Малороссии (Украины) и Западной Белоруссии, и военные историки считают, что не будь внутренней смуты (революции) – до победы России оставался один шаг. К пленным относились, как к страдальцам. Им сохранялись чины, награды, денежные довольствия. Срок прибывания в плену засчитывался в стаж службы. Из 2 мл. 417 тыс. пленных за всю войну умерло не более 5 %.

18. Доля мобилизованных в России была наименьшей – всего лишь 39 % от всех мужчин в возрасте 15–49 лет, тогда как в Германии – 81 %, в Австро-Венгрии – 74 %, во Франции – 79 %, Англии – 50 %, Италии – 72 %. При этом на каждую тысячу всех жителей Россия потеряла 11 человек, Германия – 31, Австрия – 18, Франция – 34, Англия – 16. Так же Россия едва ли не единственная не испытывала проблем с продовольствием. Германский немислимого состава «военный хлеб» образца 1917 года в России и присниться бы никому не мог.

19. ГКЗ Банк выдавал крестьянам большие ссуды, к 1914 году на правах собственности и аренды крестьянам принадлежало 100% пахотных земель в азиатской России, Сибири и 90% в европейской части страны. В Сибири были устроены казенные склады сельхозоборудования, снабжавшие население земледельческими машинами.

20. Сумма налогов на одного человека в 1913 году, в России была в 2 раза меньше, чем во Франции и Германии и более чем в 4 раза ниже, чем в Англии. Население стабильно и быстро богатело. Зарботки русских рабочих выше зарботков европейских, уступая (в мире) только зарботкам американским.

21. С июня 1903 года предпринимателей обязали выплачивать пособие и пенсию потерпевшему рабочему или его семье в размере 50–66 процентов содержания потерпевшего. В 1906 году в стране создаются рабочие профсоюзы. Законом от 23 июня 1912 года в России вводилось обязательное страхование рабочих от болезней и от несчастных случаев.

22. Закон о социальном страховании был принят прежде всех европейских государств и США.

23. Самое совершенное в мире рабочее законодательство. «Ваш Император создал такое совершенное рабочее законодательство, каким ни одно демократическое государство похвастаться не может». Президент США Уильям Тафт.

24. Цены на все одни из самых низких в мире, наряду с налогами.

25. Увеличение объёма бюджета более чем в 3 раза.

26. Рубль, благодаря денежной реформе 1897 года, стал обеспеченный золотом. «Россия металлическим золотым обращением обязана исключительно Императору Николаю II». С. Ю. Витте.

27. В 1908 году было введено обязательное начальное образование. К

1916 году грамотных в Империи не менее 85 %. Накануне войны уже более ста вузов со 150 000 студентов. По общему их количеству РИ занимала 3-е место в мире, разделяя его с Великобританией. Финансирование образования выросло за 20 лет с 25 млн. рублей до 161 млн. рублей. И это без учета земских школ, расходы на которых выросли с 70 млн. в 1894 году до 300 млн. в 1913 году. Всего бюджет народного просвещения вырос на 628%. Число учащихся в средних учебных заведениях выросло с 224 тысяч человек до 700 тысяч человек. Количество студентов за 20 лет удвоилось, количество школьников выросло с 3-х миллионов до 6-ти миллионов человек. К 1913 году в стране было 130 тысяч школ. Перед революцией проведен закон о полной бесплатности образования, причем не только обучения, но и жизни во время обучения. Семинарию оканчивали за казенный счет — в этот казенный счет входило все содержание и питание учащихся.

28. В 1898 году вводится бесплатная медицинская помощь. Для того, чтобы ее получить, достаточно было быть просто гражданином Империи. Этого человека никто бы, как сейчас, не выгнал на улицу, и ему бы так же, после тщательного осмотра, подробно было бы рассказано, что и как нужно делать для лечения. «Медицинская организация, созданная российским земством, была наибольшим достижением нашей эпохи в области социальной медицины, так как осуществляла бесплатную медицинскую помощь, открытую каждому, и имела еще и глубокое воспитательное значение». Швейцарец Ф. Эрисман. По количеству врачей Россия находится на 2-ом месте в Европе и на 3-ем в мире.

29. Невиданными темпами по всей Империи строятся: детские сады, приюты, родильные дома, ночлежки для бездомных.

30. При Николае II русский национализм был самой мощной силой в легальной политике, жестко отстаивая русские интересы везде, где мы соприкасались с недругами. Было множество организаций, некоторых партий и всякого рода патриотических движений, от Союза Русского Народа и Всероссийского Национального Союза до местных организаций, широкой сетью покрывавших всю страну. Куда русский человек мог прийти и рассказать о своей беде, попросить о помощи, если кто-то обижает.

31. Быстро росла промышленность. С 1890 года по 1913 год ВВП вырос в 4 раза. Добыча каменного угля выросла в 5 раз за 20 лет, выплавка чугуна за это же время выросла в 4 раза. Добыча меди и марганца в 5 раз. Инвестиции в основной капитал машиностроительных заводов с 1911 по 1914 год возросли на 80%. За 20 лет удвоилось протяжение железных дорог и телеграфных сетей. За это же время удвоил свой тоннаж и без того самый большой в мире речной торговый флот. Быстро шел рост механизации промышленности. В 1901 году в США добыто 9 миллионов 920 тысяч тонн, а в России 12 миллионов 120 тысяч тонн нефти. В период с 1908 по 1913 год рост производительности труда в промышленности опередил по соответствующим показателям США, Англию и Германию, долгое время считавшиеся индустриальными гигантами. Результатом деятельности Царя стала удивительная экономическая устойчивость. В период мирового экономического кризиса 1911-1912 годов, Россия, наоборот, оказалась на подъеме.

32. Сырую нефть при Царе вывозить за границу было нельзя, а вырученные средства шли на развитие отечественной промышленности.

33. В 1914 году по просьбе США, Царская Россия направила к американцам около 2000 русских инженеров для создания тяжелой военной промышленности.

34. Темпы роста национального дохода — 1-ое место в мире. Темпы роста производительности труда — 1-ое место в мире. Уровень концентрации производства — 1-ое место в мире. Крупнейший в мире экспортер продукции текстильной промышленности. Один из крупнейших в мире производителей продукции цветной и черной металлургии. Один из крупнейших в мире производителей продукции машиностроения. Одна из крупнейших в мире стран по объему добычи угля.

35. Крупнейший в мире экспортер зерновых культур, пшана, яиц, молока, масла, мяса, сахара и пр. Урожай зерновых на 1/3 больше урожаяв Аргентины, США и Канады вместе взятых.

36. Рост производства зерна в 2 раза. Урожайность увеличилась более чем в 1,5 раза.

37. Поголовье крупного рогатого скота выросло на 60%. 1-ое место в мире по количеству лошадей, крс, овец, и одно из первых по количеству коз и свиней.

38. Зачастую без единого выстрела присоединились, либо стали протекторатами следующие территории: Северная Манчжурия, Тяньцзинь, Северный Иран, Урянхайский край, Галиция, Львовская, Перемышльская, Тернопольская и Черновицкая губернии, Западная Армения. Идет масштабное и быстрое освоение Сибири, Казахстана и Дальнего Востока.

39. Государь стоял вне и выше интересов отдельных групп и слоев населения. Экономические реформы, как и алкогольная, проводились лично Царем. Иногда и наперекор думе. Автором всех преобразований был Николай Александрович, вопреки всем бытующим мифам об обратном.

40. Свобода прессы, свобода слова; свободы столько, сколько не было ни до, ни после его правления.

41. Объем золотого запаса — крупнейший в мире; русский золотой рубль — самая твердая валюта в мире.

42. Один из самых высоких в мире темпы строительства железных дорог (СССР так к ним и не приблизился).

43. Одна из сильнейших армий в мире, которая, к тому же, быстро развивается. Лучшие в мире винтовки Мосина, одни из лучших в мире пулеметы «Максим», доработанные Российской Империей, одни из лучших в мире полевые орудия калибра 76 мм.

44. Русский военно-воздушный флот зародившийся только в 1910 году, имел уже 263 самолета и являлся самым большим авиационным флотом в мире. К осени 1917 количество самолетов возросло до 700.

45. К 1917 ВМФ один из сильнейших в мире. Лучшие в мире эсминцы и один из лучших в мире линкоры, лучшие в мире мины и тактика минных постановок.

46. Построена Великая Сибирская магистраль.

47. Гаагский Международный суд — это детище Николая II.

48. Потребление алкоголя на душу населения одно из самых низких в мире, в Европе пили меньше только в Норвегии.

49. Число психически больных на 100 000 человек в 1913 году составляло — 187 чел. И уже спустя сто лет жизни без Царя, в 2010 году — 5598 чел.

50. Число самоубийств на 100 000 человек в 1912 году — 4,4. И спустя сто лет жизни без Царя, в 2009 году — 29.

51. Нет никаких проблем с инфляцией и безработицей, поскольку и та, и та практически полностью отсутствуют.

52. Уровень преступности ниже, чем в США и странах Западной Европы. На состоявшемся в 1913 году в Швейцарии международном съезде криминалистов, русская сысканая полиция была признана лучшей в мире по раскрываемости преступлений.

53. Невиданный расцвет русской культуры. Такого мощного, головокружительного взлёта русской живописи, русского архитектурного зодчества, русской литературы и русской музыки не знала ни одна страна. Известный французский писатель и литературный критик Поль Валери назвал русскую культуру начала XX века «одним из чудес света».

54. Расцвет русской философии и науки.

55. Изобретены впервые в мире: беспроводной телеграф, вертолет и бомбардировщик, телевизор и телевидение, самолет и штурмовик, первая кинохроника, трамвай, гидроэлектростанция, электроплуг, подводная лодка, ранцевый парашют, радио, электроннолучевая трубка, электронный микроскоп, автомат, порошковый огнетушитель, астрономические часы, электромагнитный сейсмограф и основана наука-сейсмология, электромобиль, электрический омнибус, электрическая подвесная дорога, подводный минный заградитель, гидросамолет, корабль, способный преодолевать арктические льды, один из первых нашли способ делать цветные фотографии и первые в мире научились делать их высокого качества.

56. Впервые в России изобретен: автомобиль, мотоцикл, двухэтажный вагон, дирижабль.

57. Автомобильная промышленность была на уровне немецкой, авиационная — на уровне американской, одни из лучших в мире паровозы. Серия автомобилей Руссо-Балт, выпускавшаяся с 1909 года, была на мировом уровне как по дизайну, так и по эксплуатационным качествам. Отличались прочностью и надежностью, свидетельством чему служили их успехи в ралли и дальних пробегах, в частности, на международных ралли Монте-Карло и Сан-Себастьян.

58. Двое из пяти основателей Голливуда прибыли из России. Знаменитый аромат «Chanel № 5» придумала не Коко Шанель, а русский парфюмер-эмигрант Веригин. Двигатели для фирмы «Даймлер» разработал русский инженер Борис Луцкой. Гоночный Mercedes 120PS (1906 г.) оснащался рядным шестицилиндровым двигателем, так же изобретенным Луцким.

59. Все это было сделано и достигнуто без: террора, раскулачивания крестьян, лагерей с рабами, десятков миллионов уничтоженных русских людей.

60. От престола так и не отрекся, даже не смотря на колоссальное предательство всех и вся. Как он сам писал: «Кругом измена и трусость, и обман!». В итоге, ритуально убит вместе с семьей. (Не оставив Родины. Хотя мог легко уехать за границу и жить припеваючи).

Заговорщиками составлен поддельный манифест якобы его отречения, который является полнейшей фальшивкой. В архивах РФ нет ни одного документа, подтверждающего правоту мифа об отречении. Есть напечатанная бумажка, подписанная карандашом, составленная непонятно как. Нет ни одного другого документа, который бы Николай подписывал карандашом. Так же исследован почерк, который абсолютно не соответствует почерку Государя. Еще слишком много других неурядиц.

• И ДЫМ ОТЧЕЧЕСТВА...

Из истории села Афонькино

На протяжении веков важную роль в истории русских селений играли храмы, церкви. С возникновением сел в какой-то местности возникали и церкви. Первые церкви по Среднему Ишиму были воздвигнуты в Красноярской слободе, в Ильинском и Казанском. Первое поселение Ильинка называлось Епанчино. Вскоре после основания селения в нем была построена деревянная церковь во имя пророка Ильи. За селом закрепилось наименование Ильинское. Окрестные селения, в том числе и Афонькино, входили в Ильинский приход.

К началу XIX столетия деревянная ильинская церковь пришла в ветхость и по размерам не удовлетворяла выросшую численность населения обширного прихода. В 1812 году деревянная церковь была разобрана, и в год победы над Наполеоном была заложена каменная церковь. Завершено ее строительство в 1814 году. Ильинская церковь – замечательный архитектурный памятник нашего края. В старых описаниях храмов об Ильинской церкви сообщалось: «Церковь построена в 1814 году усердием прихожан. Престолов в ней два: главный в честь св. пророка Илии, а второй в честь иконы Знамения Божей Матери. Зданием каменная с таковою же в одной связи колокольнею. Обнесена оградой с железными решетками, прочна и утварью достаточна».

Рост населения в заречной части края, трудности сообщения из-за вешних разливов Ишима затрудняли сообщение. В Афонькино в конце XVIII века была поставлена часовня. Священник из Ильинки иногда приезжал и в часовне проводил службы.

К середине XIX века Афонькино по количеству населения уже превзошло Ильинку, Казанку и другие селения. По переписи 1858 года в Афонькино учтено 105 дворохозяев, в них 1080 человек. В Ильинке жила 91 семья, 862 человека, в Баландино 76 семей, 760 человек.

В 1860 году жители Афонькино вошли с предложением о постройке в деревне своей церкви и открытии отдельного прихода. Переписка велась несколько лет.

В отпуске средств из казны было отказано. Начался сбор с прихожан. К 1868 году потребная сумма была собрана. В Тобольск был заказан проект и заявка на присылку строительной бригады. В 1869 году проект был представлен. За основу были приняты древнерусские храмы с одной колокольней. Прихожанами проект был принят. В окрестностях были найдены запасы глины, началось строительство кирпичных сараев и печей для обжига. К 1870 году из-под Кокчетова был доставлен бутовый камень для фундамента, и произошла закладка церкви.

Недостаток средств и особенно кирпича задерживал строительство. Лишь к 1880 году храм был воздвигнут. Клировым начальством проведен молебен и освещение храма во имя Рождества Христова.

Храмслужителям отвели участок земли в 90 десятин. За этим участком многие годы сохранялось название «Половская дача». На Колокольничиха выделено 9 десятин покоса. На средства и усилиями прихожан построен дом для священника и псаломщика. На дом священника возили сосно-

вый лес из-под города Ишима. Дом был крестовый на высоком фундаменте. После революции в нем размещался сельский совет, а в двух комнатах после выпиливания стены был первый афонькинский клуб. В начале 30-х годов этот дом сгорел, и часть архива погибла, в том числе метрические записи.

О первом священнике афонькинской церкви у жителей многие годы сохранялись добрые воспоминания. Он организовал прихожан на благоустройство кладбища. Именно в 80-е годы была проведена копка глубоких канав вокруг кладбища и посадка сосен. На месте, где создавалось кладбище, была роща. Часть берез осталась на территории кладбища и сохранялась до недавнего времени. Сосны, сохраняющиеся по периметру кладбища, имеют возраст более 100 лет. От их семян пошла новая поросль сосняка.

С 1880 года начала действовать церковь в Афонькино, и селение стало называться селом. В Афонский приход были включены все заречные селения из Ильинского прихода: Афонькино, Новогеоргиевка, Викторовка, Копотилово, Синичкина, Одинашное, а позже и Вакарينو.

В описании церквей за 1911 год о церкви и селе Афонькино сообщается: «Церковь однопрестольная в честь Рождества Христова, построена в 1870–1880 годах. Зданием каменная, с таковою же колокольнею над серединою ее, обнесена каменною оградой с железными решетками, прочна и утварью достаточна».

Для Афонькино церковь – важный архитектурный и исторический памятник. До 1935 года церковь сохранялась в хорошем состоянии. В этом году служба прекратилась, но оборудование и убранство сохранялось. К тому времени в Ильинке была открыта МТС. Для подшипников к тракторам не хватало бронзы. Из МТС приехали работники и сняли с церкви колокола, многие из них были весьма интересны по звучанию, с персональными надписями; кем они были приобретены и где отлиты. В 1939 году в церкви был сделан зерносклад. Убранство церкви было растащено, но сохранялись настенные росписи.

В годы войны церковь постепенно приходила в запустение, но на ней еще стоял крест. Уже в 50-е годы кому-то из приезжих начальников церкви показалась «бельмом на глазу». Вначале сняли крест, а потом в здании устроили пекарню и разломали колокольню. И с тех пор сохранившееся старинное здание стоит укором для жителей, не умеющих ценить прошлое, свою историю. Пора бы жителям Афонькино откликнуться на призыв общественности и восстановить храм, оставить его архитектурным памятником. И было бы созвучно современности устроить в этом историческом здании хороший музей истории села. А история села замечательная, много поколений сельчан трудились на наших полях, многие разъехались по городам страны и там прославились трудовыми подвигами.

Александр Дмитриевич Колесников (1919–2012) – уроженец села Афонькино тогда еще Омской области. Окончил исторический факультет Омского пединститута, работал в комсомоле, управлении культуры, воевал, преподавал в ВУЗах Омска. Доктор исторических наук, профессор, автор многочисленных книг и публикаций по истории родного края.

Население прихода составляло 4651 человек, в том числе в Афонькино – 1567, в Колотилово (уличное – Кошелево) – 953, в Синичино – 407, в Георгиевском (уличное – Свиное) – 700, в Викторово (уличное – Борки) – 502, в Паленке – 258, в Пешнево (уличное – Одинашно) – 264. Далее сообщается, что прихожане – старожилы, кроме Паленки и Вакарينو, где живут переселенцы из Черниговской и Гродненской губерний.

В приходе ежегодно бывало 354 крещения, 60 браков, 233 погребения. Из этих цифр видно, что по селам была высокая рождаемость, на каждый брак приходилось более пяти рождений. Вместе с тем и была высокая смертность.

В этом же описании сообщается, что в 1881 году открыта церковно-приходская школа, которая размещалась в собственном здании. В 1911 году в школе обучалось 47 мальчиков и 9 девочек.

О местности нашей сообщается, что село расположено на берегу озера Афонькинского в пяти верстах от реки Ишим. «С восточной стороны село окружают березовые рощи, значительно год от года истребляемые населением, а на западе от села далеко виднеются заливные ровные луга, в некоторых местах изрезанные и испещренные истоками, логами, болотами и займищами. Река Ишим, неся в весеннее время полные воды свои, заливает все эти болота, лога и самое озеро Афонькинское, образуя из последнего как бы широкий залив».

В окрестностях села родится в большом количестве черная смородина, клубника и в небольшом земляника. К реке Ишим ходят за ежевикой. В поле родится вишня. Из грибов рождаются обабки, волнушки, синявки, грузди сырые и сухие, последние рождаются иногда в таком изобилии, что привлекают сюда жителей из соседних селений».

О занятиях жителей автор сообщает: «Главное занятие прихожан – хлебопашество и скотоводство. Зажиточные из прихожан сеют пшеницы 8 десятин, ржи и овса по 3 десятины. Средние по 4 десятины пшеницы, 0,5 десятины ржи и 3 десятины овса. Бедные по одной десятине пшеницы и овса и 0,5 десятины ржи. Из побочных занятий прихожан можно отметить охоту на зайцев, горностаев, волков, лисиц, уток, куропаток и косачей. В озере Афонькинском ловятся щука, окуни, чебаки, лини, редко караси. Вода в озере для питья и пищи годится».

Как герой в раю побывал

Ночью, во сне, я в самом деле попал на небо. Вероятно, был там выходной день, может, библейская суббота: почти никто не работал. Небесная канцелярия закрыта на амбарный замок, но за розовым плетнём человек в пурпурной одежде, изрядно поношенной и заляпанной глиной, копал святой колодец. Я подошёл и спросил:

– Это рай или ад?

– Спроси, что полегче, – поднимая бадью жидкой глины, ответил пурпурный землекоп. – Тут всё, как на земле, парень, ни хрена не разберёшь... Илюха, обожди маленько, перекури, – крикнул он в глубину колодца и сам принялся вертеть козью ножку.

– Илюха? Не Илья-пророк случайно?

– От, святая простота! – вздохнул землекоп. – Пророка мы и сами толком не видели. Промчит, прогремит, помечет стрелы, а так чтоб остановился, поговорил душевно, не-ет... Од-ним словом, начальство!

– Давно здесь?

– Да уж давно! Как переехал «КрАЗ» задним колесом, так, считай, пятый год здесь шабашим... Работёнка знакомая, грунт тоже всякий попадается. Одно преимущество – тепло зимой и летом и спецовки пурпурные, будто царские... А ты чё, парень, на работу устраиваться? Тогда завтра – с девяти...

И зелёной лужайкой пошагал я куда глаза глядят. Разулус, и шелковистая травка мягко ласкала ступни ног. Над головой звенел жаворонок, а в низине, облитой розовым туманцем, идиллично паслись божьи агнцы, священные индийские коровы, малиново названивая золотыми на рогах бубенцами.

Низко проплыло белое, будто взбитая в ванне пена от шампуня, облако. Из озорства я кинул в него кепкой. Облако заколыхалось, мелькнула мужская голова, затем из пены вылуцилось женское личико.

– Нахал! – капризно переломились пухлые губки. – Не видишь, я в раю. Топай, топай, мальчик.

– Ух ты! – вырвалось у меня восхищённо. – И правда – рай! Живут же люди!

Всё так же плыл розовый воздух, пахло травой, молодым лесом. За берёзовым колком, сквозь который прошагал я, срывая на ходу метёлки дудника, открылась кошенина. Пахло сеном. И несколько старушек в жёлтых платках сидели у копны, обедали.

– Доброго здоровья, бабушки!

Старушки повернули лики ко мне, и мне впервые стало неуютно на небе.

– Однако, вы наши, деревенские? И умерли лет пятнадцать назад, зимой?

– Зимой, зимой... Да уж тут, слава господи, отогрелись... Постой, постой, дитяtko Христово, Володька, однако? – встрепенулась одна старушка. – Не ты ли у меня на Ильин день огурешник зорил?

– Я, бабушка Хионья.

– Бог простит, ладно. Чё здесь-то окопачиваешься?

Я пожал плечами. Не рассказывать же, что не по своей воле, не по злой доле, а просто – во сне я. Вознесло, вот и гуляю по небесам.

– Кому сено косите? Тут же во всякую пору тепло.

– А вот и косим! – кивнула Хионья, облупившая голубиное яйцо. – Привышны мы – как без дела? Сёдни суббота. Саваоф не разрешат рубить, а так бы дак и косили... Привышны мы, в миру бывало, ни выходных ни проходных не знали...

Я покивал.

– А что, Саваоф доступен? Как пройти, не подсажете?

– А так и ступай полянкой. Через две речки пройдёшь, потом через овраг, потом в святую горку подымись, ворота увидишь. Там ангел стоит по правую сторону, по левую – бес. Седни в клубишке общее собрание какое-то. То ли встречный план плантуют, то ли грешников разбирают. Мы не касама – люди простые. Ступай!

То ли чистый воздух, то ль отсутствие земного притяжения – во всё теле ощущался избыток сил. Руки сами тянулись и срывали с веток райские плоды. Возле оврага набрёл я на полянку земляники, полакомился и спустился крутой тропинкой вниз, где за кустом боярышника спугнул чёрта и молоденькую ангелицу.

– Пардон, ребята! – буркнул я смущённо и, одолев глубину оврага, в котором пенился мутный ручей, пахнувший смолой адовых кострищ, взлетел на взгорок, где, как и обещали старушки, увидел у ворот стражу.

– Кто такой? – бес с чёрной повязкой на рукаве толк в ступе табак, морщился, чихал, брызгая слюной. Ангел стоял напротив и помахиwал, как опахалом, павлиньим пером. Я предъявил удостоверение нашей газеты «Трибуна». Бес поковырял в носу волосатым пальцем, изучая документ, опять чихнул:

– Не положено!

– Ступа чёртова, разуй глаза. Там две печатки, пропусти! – возмутился я.

– Правда, две! – заколебался бес. – Может, к своему шефу слетаешь, уточнишь, а, Федя? – обратился он к ангелу. Тот шевельнул крылом и понюхал цветок лотоса, торчавшего в петлице его белого плаща.

– Саваоф к докладу готовится...

– Ему что, референтов мало?! Не напишут? – стукнул бес копытцем.

– Особый случай...

– Не тяните резину, а то буду жаловаться! – меня начинало бесить.

Бес расхохотался так, что круглый косматый животик начал колыхаться, как мехи волынки:

– Жаловаться?! Кому? Тут, брат, выше некому...

– Иди ты к Сатане! – сплюнул я розовой от земляники слюной.

– И верно! Идея! – взметнулся бес, топоча копытцами, юркнул в ворота. Вернулся он буквально через минуту и так лихо вскинул лапу «под козырёк», что зазвенели на лбу рога. Ангел вытаращил сладкие глазки, тоже отдал честь и золотой нимб над его головой сверкнул, словно начищенная каска пожарного.

Постановление вышло: прессе зелёную улицу! – рявкнул бес, по-гвардейски съедая меня глазами.

– Так-то вот, бесяра! – я шагнул в распахнутые ворота.

– Рады стараться! – рявкнули оба стражника.

Внутренний вид самого помещения, куда я прошёл по выщербленным ступеням, описывать не стоит. Замечу лишь, что напоминал он рядовой очаг культуры районного Городка. Но обилие лозунгов, не божественного, а скорее этического содержания, развешанных тут и там – от пола до гулко потолка, говорили о небесном.

«Слушайте, дети, наставления отца и внимайте, чтобы научиться разуму».

«Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его – и будь мудрым».

«Кто возделывает землю свою, тот будет насыщаться хлебом, а кто идёт по стопам празднующих, тот скудоумен».

«Кто говорит, что знает, тот говорит правду, а у свидетеля ложного – обман».

«Кто найдёт добродетельную жену, цена ей выше жемчуга».

Внезапно на возвышение, похожее одновременно на амвон храма и на клубную сцену, вышел капитан Талынцев и рубанул во все свои батальонные лёгкие:

– Верховная тройка!

Возникли: Саваоф, весь в белой бороде; Илья-пророк, в полувоенном облачении, и сухощавый, поджарый, в белой рубашке с галстуком; апостол Пётр. Сияние от нимбов осветило зал. Саваоф стукнул посохом и раскрыл том Спинозы: «То, что против природы, то против разума, а что против разума, то нелепо, а потому и должно быть отвергнуто...».

Саваоф поаплодировали. Зрителей было немного, так: обслуга, разные канцеляристы, актив ада и рая.

– Талынцев, – по-домашнему сказал Саваоф. – Первым делом вводи снятых с должностей – взяточников и жуликов разных, осуждённых за приписки и обман, потом чинуш и всяких мракобесов...

– Всех сразу?! – вытянулся Талынцев. – Местов на скамье не хватит.

– Давай по одному! – махнул рукой Бог-отец, Илья и апостол Пётр согласно покивали.

Первым втолкал Талынцев директора хлебозавода. Ну и видок! Опущенные плечи, измятое лицо – а какой молодец был! – говорили о том, что человека изрядно потрепало и помяло ещё на земле. Он отрешённо стоял перед Верховной тройкой, не решаясь поднять взгляд, и только часто повторял:

– Не виновен я, не виновен. Дедовское оборудование, устаревшая технология, бессортица... Как тут хороший хлеб выпекать?

– Сын мой, уймись! Это нам ведомо! – произнёс Саваоф. – Мы здесь не устанавливаем вину, она доказана, мы определяем небесную меру наказания...

– Давай его ко мне! – страшно заркотало с балкона.

Я обернулся и увидел рогатую рожу Сатаны. Боже мой, вот кому я обязан пропуском на это заседание!

– Помилуйте, исправлюсь, – застонал директор.

– Амины! – тихо уронил Саваоф. Илья-пророк метнул в это время молнию – да так, что задымились кованные подошвы сапог Талынцева, но капитан устоял. А директора не стало.

– Полегче, Илья! – поморщился апостол.

– Вечно ты, Петро, со своими гуманными штуками! – звякнул шпорами пророк. – В священном писании записано, что мы «творим новое небо и новую землю, и прежние уже не будут воспоминаемы и не придут на сердце».

– Много берешь на себя, Илюха!

– Сколько положено...

– Прекратите свару, помазанники! – оборвал их Саваоф и огладил по-аксакальи бороду. – Следующий!

Возник человек, отвечающий за экологию района и распределение квартир.

– С тебя, сын мой, спрос особый, – нахмурился Саваоф. – Отвечай, где и в каких масштабах творил безобразия?

В человекке я узнал заместителя председателя райсовета Кныкина. Он тут же преобразился, расправил плечи и прошёл к трибуне, на ходу поправляя узел галстука и вынимая из кармана пиджака заготовленный, вероятно, ещё на земле, отчёт:

– Руководствуясь личными указаниями Верховного Бога Саваофа, во имя Отца, Сына и Святого Духа, идя навстречу очередному...

– Без «отче наш», Кныкин! – иронично усмехнулся Саваоф.

– Привык, не могу по-другому! – потускнел грешник.

Апостол Пётр, ведающий вопросами сельского хозяйства и рыболовства по совместительству, поправил на голове нимб и постучал карандашиком о графин.

– Вот только малая часть безобразий, не угодных Богу и народонаселению. По твоему указанию, сын мой, презираемый, распаханы все солончаковые земли окрест Кутырёво, где паслись агнцы и личный скот. Теперь там дуролом крапивы и лебеды, приют чертей и бесов...

Сатана на балконе удовлетворённо и сыто отрыгнул.

– А что сделалось с рыбными запасами озёр? – продолжал Пётр. – Выгребли до основания неводами, а теперь травите гербицидами. И всё киваете на неблагоприятные климатические условия. Условия мы вам создали райские, ещё с первого дня творения: живи и радуйся, трудись и хозяйствуй рачительно.

– Империалисты мешают! – глухо проронил Кныкин.

– Плохому танцору, извиняюсь... Ты, сын мой, и иже с тобой сотоварищи жили по принципу «после нас хоть потоп!» Потопы не будет. Хватит, побаловались. Слишком дорого он стоил нам в старину... Потом такие же потопа пытались устроить вы, неразумные люди! Живой пример: пытались затопить низинные земли севера Западной Сибири – нефтеносные и газоносные, тайгу и болота. Нашлись разумные, не дали. И я дарую им своё апостольское благословение! А тебе, Кныкин...

– Свободу Кныкину, свободу! – зарокотал Сатана.

– Гуманно, но невыполнимо! – отклонил предложение апостол Пётр, – Кныкин брал взятки при распределении квартир, устраивал родственникам и любовницам, прости господи... В ад его, на костры!

Кныкин наконец испугался не на шутку:

– Жена, дети... Помилуйте!

– Третья жена и опять – молодая! – в глазах Ильи заискрились молнии высокого напряжения.

– Сгинь! – заключил Саваоф. И Кныкин сгинул.

С директором мебельной фабрики вообще разговаривать не стали. Просто громыхнуло, окутало всё дымом, в это время проломилась доска пола, и директор исчез. Пока обслуга выгоняла полотенцами дым из зала, ввели известного на всю округу писателя. Он лихо умел настроить перо в угоду текущему моменту и очередной кампании. Ниспровергали неудобные таланты, ниспровергал и он. Хвалили и возносили дутый авторитет, он возносил его устно и печатно. На завтра не моргнув глазом делал обратное, едва менялась ситуация и руководящее мнение. В прошлом он слыл поборником повсеместного возвеличивания королевы полей и царя-гороха. Затем отрёкся от них и сделался хулителем «неперспективных» деревень. Затем... Впрочем, хватит о грехах. Он ходил в чёрной бороде, прихрамывал и считался архисовременным.

– Почему вы явились сюда в светлой бороде? – спросил писателя апостол Пётр.

– Светлое время грядёт! – бодро ответил грешник.

Саваофу ответ понравился.

– Похвально, сын мой! – сказал Саваоф. (Бог-отец в вопросах литературы, по-моему, разбирался слабо, но лезть тешила старое сердце). Илья-пророк, по всему, был недоволен мягкотелостью Бога-отца, он ёрзал на стуле, накалялся, наконец, заземлил напряжение.

– Ваши убеждения, литератор?

– Служить времени!

– А правде? А художественности? – вставил апостол.

– Как бог даст...

– В мою канцелярию! – погладил бороду Саваоф.

У меня заболела душа. Когда я поднял взгляд и увидел редактора Бугрова, стало жаль шефа. Как-никак он покладистый, не злой. Пожалел и меня, не выгнал за содеянное в первый же день работы. А по-человечески это стоит признательности. Человеки же мы...

– Пресса? У нас в зале уже есть представитель прессы, но он пока молод, не наделал грехов, пусть учится! А вы грешили против правды, Бугров? – вёл заседание Бог-отец.

– Кто не грешен?

– Лакировали действительность?

– Тридцать лет редактирую районку, как же...

Пётр склонил апостольскую головку, почесал за ухом:

– Полгода до пенсии, прошу принять во внимание...

– Тоже – флюгер! – неизвестно в чей адрес буркнул пророк, прикуривая гаванскую сигару.

– Дайте дотянуть полгода! – оживился Бугров.

Верховная тройка переглянулась, начала со вещаться. Через боковую дверь я вышел в гримёрную и столкнулся с капитаном Талынцевым.

– Кажется, вы сменили армейский мундир на жандармский? А, капитан?

– Тихо, Владимир Иванович... Это маскировка. Я тут с заданием от нашей разведки. А на небе, видишь, тоже не всё ладно с противопожарной безопасностью. Переняли у нас демократию, обманные выборы. Мне-то доподлинно известно, что демократию придумали негодяи

древней Греции. А тут все нынешние святые, книг не читают. Волокут всё что и нам не жое! Видел, сам Сатана выборный член суда, правда, с совещательным голосом. Не-е, я за крепкую державную руку... А тут явно либеральный сговор!

– С кем, если не секрет, капитан?

– Известно – с бандюгами-американцами.

Пока мы на земле, то, сё, ведём «партнёрские» переговоры, балеты, Аббу показываем, они, видел, чуть не лобызаются – Сатана, Верховный Бог-отец. Кровосмешением занимаются: черти женятся на ангелицах, ангелицы за чертей выходят. Ассимиляция может дать непредсказуемое. Народят дебилов или, наоборот, вундеркиндов, которые всех преобразуют, помиряют рай с адом, или изобретут против нас такое...

– А вроде деловые ребята, судят по уму...

– Им пока здесь выгодно иметь под собой живую землю. Откуда им поступает рабочая сила? То-то.. А спали они нас за раз, что? Другую галактику искать, где люди обитают? Неизвестно, найдут ли? Силы не те, старые... Вот и опасается наша разведка, как бы не было сговора... Но, вижу, сговор – налицо!

Мы закурили. Помолчали, думая о всемирном, глобальном. В гримёрную доносился то рокочущий басок Саваофа, то мелодичный голос апостола Петра, то треск молниевых разрядов – кому-то опять досталось от Ильи. Через зал прошло довольно много бывшего начальственного народа, снятого недавно с постов – после проезда через Городок! – ещё более высоким начальством.

– Правильно! – соглашался капитан Талынцев, скрипя портупеей.

– Верно! – кивал и я. И мне вспоминалось далёкое, оставленное на земле: комнатка с окошком в яблоневый сад, тишайший Иван Захарыч, Пашка Алексеев, Персиково с шеренгами и рядами соков, Караульное, тётка Евдокия, дочь её – красивая амазонка Тонька... При воспоминании о ней почему-то сладко заняла душа.

Я спросил у капитана:

– Много там осталось?

– Травники механизаторы-пьяницы.

– Засудят?

– Нет, этих отпустят. Лишат полевых-колёсных за два дня, что прогуляли, и спихнут на огороды, где земля помягче. Надо кому-то и пшеницу молотить. Уборка в разгаре...

Когда суд окончился, апостол Пётр с большой охотой дал мне интервью. Он рассказывал о перспективах повсеместного выращивания репы, особо угодной Богу, говорил о разведении рыбы в небесных прудах – тоже пицци скромной, сильно потребляемой в дни многочисленных постов как в раю, так и в современном модернизированном аду. Пётр просил передать поклон священнику Семибратову и похвалил его за то, что священник согласился возглавить городское общество трезвости.

– Красный поп! – пошутил на прощание Пётр и ушёл в свои покои.

Капитан Талынцев предложил мне место в летающей тарелке, он спешил с разведанными на землю и не очень настаивал, когда я учтиво отказался: хотелось ещё побродить по раю, заглянуть в ад. Все так же плыл розовый воздух, настоящий на цветах и амброзиях. Солнце клонилось к закату, и я пошagal в его красное зарево...

Стихи Николая Денисова

КАЗНЬ ОЛИГАРХА

На селе народный праздник.
Южный ветер флаги вьёт.
Олигарха к лютой казни
Присудил гражданский сход!

Сколько ж можно слёз и глума
На родной терпеть земле!
Двадцать лет молчит Госдума,
Ступор в каменном Кремле!

То дефолтом отвлекают,
То невнятицу жуют.
Конституцию пинают,
По понятиям живут.

Все бюджеты распилили
Под понятие своё.
Мораторий учредили:
Не страшись,
Гуляй, ворьё!

Мужики Закон постигли,
На законных жён ворча,
Место лобное воздвигли,
Нарядили палача.

Сам Глава села в конторе,
Свежевыбритый с утра,
Упраздняет мораторий
Скорым росчерком пера!

Лютый час. Палач, при форме,
Водит взором не спеша.
Ребягня синичек кормит,
На дорогу хлеб кроша.

Ожиданье тихо шает.
Тяги нет. И, чуть баясь,
Местный поп псалтырь читает,
Под Высоцкого кося.

– Вон везут, пылит машина! –
Замечает дед Мазай.
Ровно в полдень из Ишима
Тормознул «Камаз».
– Слезай!

Спрыгнул наземь.
Ну и рожа!
Глаз не нашенский, чужой.
Оприходован, стреножен
Сыромятною вожжой.
В лике – явно роковое,

На груди – в алмазах крест.
Сполошась, собаки воют,
Сорочня трещит окрест.

Пиджачок, с французским лоском,
Снял он. Голову пригнул.
Комсомольскою прической,
Бывшей, сумрачно тряхнул.

Злой топор палач выносит,
Мелко крестится на храм.
Тут и взвыла тетка Фрося,
Баба вдовая:
– Няда-а-м!

В дом возьму!
Пред Богом каюсь!
У меня легка рука.
Но уж десять лет как маюсь
Без подпорки мужика!
Не-е-т, не дам ему разбоём
Жить! Во храме причащу.
В бане выпарю, отмою,
В трёх водах прополощу!

Будет новенький! Эх, люди...
И Глава, за весь народ,
Палачу заметил:
– Будя!
Не губи! Пуцай берёт!

Жизни том – гора крутая!
Одопел и – новый том.
Не нахвалится, святая,
Ефросинья примаком!

Мол, мужик, что надо вышел,
Здоровых сил не растерял,
Починил забор, на крышу
Приготовил матерьял!

Дай-то Бог, пойдут и дети!
Говорю ему: – Молись!
Маркса взял в библиотеке,
«Капитал» – там всё про «жись»!

Сдал в казну – алмазы, бусы,
Приобрел велосипед!
От былого – чубчик русский,
Мне и хватит – на сто лет...
1 ноября 2015 г.

ТРОЙНАЯ УХА

*С кинохроники об этом
До сих пор не снят запрет.*

Автор

1

Снег лежал еще по пояс.
Ход снижал курьерский поезд.
Волки выли на луну.
Враг проигрывал войну.
Кипятком парили краны.
И с прищуром небольшим
Разбирал боец охраны
Надпись: «Станция Ишим».
Встал курьерский.
Смолкли стук.
Тихо, глухо, как в воде.
Будь шпион какой, от скуки
Сдался бы НКВД.
От колес мазутный запах.
Паровозной топки зной.
Нелогично, не на запад,
Будто барс на мягких лапах,
Поезд следовал ночной.
На восток шел.
Свет зеленый
Не чинил ему допрос.
Может быть, в укрепрайоны
Генералов важных вёз.
Шел на Тихий, тьму пронзая
До черты береговой,
Самураю намекая,
Чтобы плыл к себе домой.
Вот дымком пахнул угарным,
Вот застопорил стоп-кран,
Отпугнув на двор товарный
Стайку инопланетян.

2

Вышли трое, без огласки.
Первый, тощий, был в коляске.
В макинтоше выходном,
В пледе теплом, шерстяном.
Поплотней – премьер британский,
А при нем – коньяк армянский.
Распечатал, чуть отпил.
И – сигарой закоптил.
Третий был в простом, не чинном,
Полушубчике овчинном,
Сверху маршалских погон,
От простуды утеплен.
На перроне в горстке света,
Стыл гонец из сельсовета –
В конармейском шлеме дед.
(С кинохроники об этом
До сих пор не снят запрет).

3

Под Берлином шли сраженья,
Трудно русский немца бил.
Но побьет же... Предложение
Дед-гонец и возгласил.

На гражданской конник стойкий,
Тут же – консул от сохи,
Дед позвал Большую тройку
Похлебать в селе ухи.
Жизнь скудна, мол, но, однако,
Есть достаточный карась!
И Верховный добрым знаком
Пыхнул трубкой:
«Действуй, власть!»
Быть сему! И тронул конный,
С пересвистом – в гриву, в хвост! –
После Ялты напряженной,
На победу заряженный,
Государственный обоз.

4

Санный полоз след морозно,
Дед все правильно смудрил:
Впереди «Фордзон» колесный,
Как небес архангел грозный,
В Окунёво след торил.
Широко снега лежали,
Без путей и без дорог.
А в селе столы сдвигали.
В кумачовом клубном зале
Ароматный плыл парок.
Мало мест. Доску полатей
Притащили – не беда.
Тетя Катя – на подхвате,
Дед при шлеме – тамада.
Самовар, как жар, пылая,
За кулисами пыхтел.
«Широка страна родная!» –
Патефон гвардейский пел.
Будто пахарь за сохою,
Рузвельт, справившись с ухою,
С утлых плеч стряхнув озноб,
Промокнул платочком лоб.
Карася поел. Икорки
Слабо вилкой ковырнул.
Может вспомнил о Нью-Йорке,
Тайно на руки подул.
Ну, а вождь, спаситель мира,
Сталин наш – наоборот
Расстегнул крючки мундира,
Чем в восторг привел народ.
Поднял тост победы близкой:
«Победим!» – сказал тепло.
Тут уж Черчилль принял виски,
Раз, другой глотнул. Пошло!
Ни гордыню-грусть-тревогу
В питье топил премьер,
Заглушал, быть может, злобу,
Что таил к СССР.

5

Малыши вовсю галдели,
Удалось меж ног пролезть!
Бабы те «Катюшу» пели,
Кони всласть овсом хрустели, –
Где он добыт был? Бог весть!
Пел народ. А боль пылала,
Глубока она была.
Никого не миновала,
Ни одной семьи села.
Ждали мира, как проталин,
Выйдет срок! Каким придет?
Лишь догадывался Сталин,
Дальше видел наперед:
Будет Трумэн, Хиросима,
Съезд 20-й, Целина,
Подлый Фултон, сдача Крыма,
И берлинская стена.
Будет мир, в боях спасенный,
Будет хлеб – родят поля.
Будут вражьи орд знамена –
В адских корчах у Кремля...
Тут и кончим... Проводили
Глав держав – без шума-пыли!
Случай был. И он во мгле, –
В том далеком феврале.

2015

«Горячее» слово Ивана Ермакова

Николай Коняев о сказах великого земляка

Сказ как вид литературно-художественного повествования (по В.В. Виноградову – «художественной имитации монологической речи») во все времена занимал достойное место в русской литературе. В первом ряду мастеров жанрово-стилевой формы «рассказывания» конца XIX – первой половины XX вв., безусловно, стоят Николай Лесков («Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе»), «колдун уральский бородатый» (по выражению Демьяна Бедного) Павел Бажов («Малахитовая шкатулка», «Каменный цветок», «Медной горы хозяйка», «Сере-

бряное копытце»), Борис Шергин с его поморскими былями и сказаниями, архангелец Степан Писахов с народными преданиями и сказками, отчасти Василий Белов («Бухтины вологодские»)...

Особое место в почётном ряду занимает Иван Михайлович Ермаков (1924-1974) – уроженец села Михайловка Казанского района Тюменской области. Всевышним ему было отпущено 50 лет жизни, из них всего полтора десятилетия на творчество. Свой первый сказ «Соколовка бригада» он напечатал в областной газете «Тюменская правда» в 1956 году, а первый сборник «Богиня в шинели» увидел свет через пять лет в Тюмени же.

В чём схожесть и различие признанных мастеров русского сказа?

«От себя самого я говорю языком старинных сказок и церковно-народным в чисто литературной речи», – признавался Лесков. Источником его языка являлись не только старинные светские и церковные книги, исторические документы, но и просторечные выражения, устаревшие слова и формы слов, слова с народной этимологией. А язык он знал и слово чувствовал как никто другой из больших русских писателей.

Бажовские сказки написаны в духе народного говора уральских горно-заводских рабочих. Его персонажи – рудокопы, мастера-камнерезы, гранильщики. Бажов записывал беседы камнерезов, изучал профессиональную лексику горнорабочих, использовал народно-поэтические слова. Об основе своих сказов писатель высказывался недвусмысленно: «Это был с элементами сказочного... Не совсем фольклор, но и не совсем индивидуальное творчество». Его сказки, как правило, населены фантастическими существами (чародейка – Хозяйка Медной Горы, змей – Великий Полоз и т.д.), связаны с какой-то «тайной», «волшебной силой». Не случайно Бажова называют то сказочником, то сказителем.

Были и сказания Бориса Шергина повествуют о характере, культуре и быте русских поморцев. Сказки и народные предания самобойтного архангельского художника и писателя Степана Писахова – «завиральи, каких свет не видывал», в их основе лежит выдумка. У него действуют «мороженные песни», «ручные белые медведи, торгующие молоком и папиросами», «пингвины-шарманщики» – оглобли, цветущие в уймнских оргородах».

В этом они разные. Схожи в главном – в великолепном знании характера русского народа, его быта, обычаев, традиций, языка...

Сибирские сказки Ермакова – о современности или недавнем прошлом, свидетелем и участником событий которых он был. В основе всех его произведений лежит не вымысел, не «завиральщина», не сказочный фольклор, а реальный факт, живой человек – воин и труженик. Писатель поэтизировал человека труда и ратного подвига, но не видел в их делах и поступках какого-то чуда, не воспринимал налёта «фантастики и таинственности», и тем он отличен от предшественников. В понимании природы сказа Ермаков был ближе к Михаилу Кочневу, написавшему в «Шёлковых крыльях»: «Сказ с рассказом живут рядом... У сказа, как у поговорки, уши чутки, глаза зорки. Только вот о чём не забывай: сказ не сам по земле ходит – его жизнь за собой водит».

Немыслимо отделять повести, очерки, рассказы Ермакова от его сказов. Да, писатель и сам порой относил свои произведения то к документальной повести, то к рассказу, то к сказке, то – чаще всего – к очерку, но в том и своеобразии Ермакова, что практически всё написано им в сказовой

стилистике. Не могу согласиться с мнением покойного ныне профессора из Тюмени Юрия Мешкова: «Писатель выступал много как очеркист, писал художественно-документальные повести, публицистические статьи. Они остались сегодня фактами его творческой биографии. А сказовое творчество остаётся великолепной страницей в литературе Тюменского края».

А разве «Кузнецы», «Отчего Русь румяная» – по сути, публицистические статьи! – не остались в «великолепных страницах»? Взять хотя бы вот это: «Есть у русского детства, у ребячьей невспугнутой нежности, есть в начале начал человечье лепета безыскусное слово – няня. Меж невнятным ещё язычком и молочными зубками зачатое, неизбывное в ласке своей и доверчивости, словно тонкий хрусталик, стозвонное слово – зоренька – няня. Незабудкой на сердце уронено, росой сквозь пожараща жизни пронесено – няня. Старших сестрёнок так на Руси называют».

Разве документальная повесть «Володя-Солнышко» не осталась в «великолепных страницах» благодаря органичному сплаву стиливых пластов?

Большая часть сказов Ивана Ермакова о сибирских деревенских жителях, о людях труда, их житейской мудрости и подлинном мастерстве. И это не удивительно. Он родился в многодетной крестьянской семье, окончил сельскую семилетку, в зрелом возрасте не раз возвращался в родные места, подолгу жил и работал среди земляков.

Уже в первом сказе «Соколовка бригада» писатель заявил свою главную тему. Рассказывая о сыновьях погибшего на фронте колхозного плотника Андрея Соколка, создавших плотницкую бригаду, автор не только прославляет мастерство, не только показывает, как в отношении к труду раскрываются личности, проявляются характеры, но и подчёркивает, что «у всех на глазах отцову славу несут дети его, Соколки».

С первых же строк сказа «Кузнецы» автор раскрывает «сверхзадачу»: «Слышал я про один иноземный обычай, по которому путь героя усыпается лепестками роз. Познакомившись с кузнецом Кузурманьчем, я задумался: не драгоценнее ли и не щедрее ли наш советский обычай, при котором путь – нет, не героя – просто честного мастеровитого человека украшают добрые и мастеровитые же слова. Розы вянут, доброе слово из неподкупных уст народа-труженика не исцветает».

Заявленную ещё в «Соколовке бригаде» тему развивает и «Дымково бессмертье», в котором рассказывается об одиноком печнике Ефреме Тилигузове по прозвищу Дымок, не сразу понятом и принятом односельчанами. А человек, по его разумению, занимается самым важным на свете делом – кладёт печи. «Вот стоит дом, – поучает он своего собеседника Бориску Курочкина (Невидимку). – Нет, скажу я тебе, не дом. Сарай куда... гараж, склад! Разоставь ты в нём красивую всякую мебель – зеркала там, диваны, шторы повесь, ковры постели, цветами убери, музыку даже включи – все тебе удовольствия, кроме тепла. Что получится? Неуют. Дикая красота получится. Ко всему этому печи именно и не хватает. Мы души с тобой в дома вставляем. Весёлые, добрые души... Семейные такие солнышки! Вставим, а потом человек всю жизнь вокруг него свою орбиту и водит».

О том, как важно человеку жить с пониманием, что его труд по достоинству оценён, что жизнь прожита не напрасно, если мастерство, знания и опыт не унёс с собой на тот свет, а передал, как эстафету: «Тем оно, мастерство, и славно, тем и выситесь, что верует всякий мастер: сгинь оно, изведись – и труби труба архангелова». Что даже «маленькая», но от души выполненная работа продлит жизнь мастера в памяти народной: «Вот жил, скажут, на заре коммунизма печник Ефрем Матвеевич Тилигузов... Хорошие печи ложил людям. Помянем же его, товарищи, добрым словом из нашего светлого века», что и подчёркивается прямым авторским отступлением: «Дымки... Дымки... (печные думы – Н.К.) Не на сберкинжу их, не под замок, не в карман, не в мешок... Да чего там! – в горсти подержать нечего... Подержать нечего, а у одного крылышки-то, локотки на взлёте, у другого – серебринка слезы на усах. Драгоценное оно, это счастье, которое без волкодава на свете живёт. Трудовое! Мозольное! На весь народ поделённое, и себе с избытком».

Память о погибших на фронтах сыновьях Афоне и Алёше тридцать третий год хранит старая Денисья Гордеевна («Память»). «Сгорели во порохе ладные те дровосеки...» и «...ни любым табаком, ни наполненной чарой вина не воззвать, не поднять их из братской могилы. Обнялись там высокие, светлые русичи, онемели, слеглись, как ложатся в горнила штыки, им звание – России Старшины Бессмертные».

Значительная часть сказов Ивана Ермакова – о тех же простых сибирских мужиках, оказавшихся под «огненным лемехом войны», которых «запахала она в смертную борозду между Чёрным и Северным морями, меж Волгой-рекой и речкою Шпрее» («Алёнушка»). А войну Иван Михайлович знал не понаслышке. В 1939 году сельский паренёк уехал в Омск, где был зачислен в штат областного кукольного театра актёром-кукловодом и стал совмещать работу с учёбой в театральной студии. Но уже в 1942-м был призван в армию, а в апреле 1943-го по окончании Омского пехотного училища направлен на фронт командиром стрелкового взвода. Воевал на Училищском и Ленинградском фронтах. Дважды был ранен. Награждён орденом Красной Звезды. До 1947 года служил во внутренних войсках МВД Эстонии. На фронтах погибли его отец и младший брат...

В одном из первых сказов писателя «Богиня в шинели» изложена история, рассказанная вернувшимся из армии внуком Валеркой деду своему Михайле – «любителю книжку послушать». Это, по сути, пронзительная повесть о трагической и вместе с тем героической судьбе рядового русского солдата.

Наслушался «слабый на слезу» дед Михайла историй про Тараса Бульбу, про Васю Тёркина, про бравого солдата Швейка да и сокрушается: вот, дескать, кто такой Тёркин? «Смоленский рожок! Миром блоху давили, а гляди, как восславлен! А про наших, сибирских, и не слышно!» На что внук отвечает: «Слышно и про наших, да вот какое дело. Мы здесь как бы посреди державы живём. До нас любому мазурику далеко вытягиваться. Позвонки порвёт. Однако какой бы краешек русской земли ни пошевелил враг, где бы ни посунулся – с сибиряком встречи не миновать. И приветит и отпочтует! Там-то вот, на этих краешках земли, и оставляют сибирские воинские люди о себе памяти...».

Один из таких сибирский воинских людей и показан в образе военнопленного Мамонта Котова: «Головы на полторы других повыше, в грудях этак шириной с царь-колокол детинушка, рыжий-прерывший и конопатый, как тетерино яичко». А в плен к немцам Мамонт попал потому, что «пушки жалко было. Такая уважительная «сорокапяточка» – хоть соболом в глаз стреляй. Вот, значит, я её и нёс. С ней ведь бегом не побежишь».

Неспроста с первых строк заявлена эта внешняя схожесть простоватого на вид сибиряка с одним из былинных русских богатырей. Мамонт Котов, до поры до времени безмолвно и безропотно сносивший издевательства и унижения немецкого лагерного начальства, однажды воспрял словно бы ото сна... А воспрял и нашёл в себе силы к сопротивлению благодаря доверию товарищей и, как ни странно это покажется, Красоте. Увидел он однажды в одном из немецких подвалов каменную статую: «Богиня какая-то. Сидит она на камушке, одежки на ней – ни ленточки. Только испукалась, видно. Волосы длинные, аж по камню струятся. С лица задумчивая, губы капельку улыбочкой тронуты, голова набок приклонена, и вся-то она красотой излучается. Мамонт даже чуток остолбенел. Такая теплынь, такая тревожная радость ему в грудь ударила – смотрит, глаз не оторвёт».

И тут сдержанного «рассказчика» «перебивает» изумлённый автор: «Растревожила Мамонтово сердце мраморная богиня. Кому вольно – смеётся. А посмеявшись, подумай! Жизнь она, конечно, старый чудотворец, а только здесь чудо невелико. Посреди крови, грязи, мук и позора, посреди каждодневного людского зверства и дикости – она! Она – как росное утречко, как белая лебёдушка, чистая, нежная, не от мира сего явленная глазам его открылась. Грезится ей что-то неизведанное, тревожное, радостное. И робеет-то она, и стыдится по-младенческому, и ждёт кого-то, ласковая. Губы раскрыты – вот-вот чьё-то имя прошепчут. Приди он – и оживут девичьи руки, взметнутся, упадут, жаркие, на плечи долгожданному своему, белой бурей, змейкающей позёмкой размечутся волосы, задохнётся она счастьем своим несказанным, и засверкают, заискрятся на мраморе звёздочки живых звёзд...».

Она, эта Богиня, отныне стала единственной радостью, придавшей Мамонту силы в вынужденном «бесчестье и позоре»; не позволившей угаснуть воле к жизни, сохранить душу и человека в себе и, в конце концов, «распрямяться» по примеру былинного русского богатыря: «Не стало Мамонта – на его месте отместитель стоял».

В «былинности» героя, в символичности статуи «богини в шинели» можно при желании усмотреть всего лишь «сказку-быль, удивительным образом вписавшуюся в процесс мифологизации Великой Отечественной войны». Как, впрочем, и в эпизоде надевания малицы на статую Ленина в сказе «О чём шептал оленёнок» можно увидеть мифологизацию ненцами Ленина. И в то же время «Богиня» не менее реалистична, чем известный шолоховский рассказ «Судьба человека», написанный, кстати, тоже вскоре после войны, но года на три-четыре раньше. При всей несхожести сюжетов, обстоятельств пленения шолоховского Ивана Соколова и ермаковского Мамонта Котова есть в этих произведениях одно общее, что позволяет

поставить их в один ряд: «Захотелось мне им, проклятым, показать, что хотя я и с голоду пропадаю, но давиться ихней подачкой не собираюсь, что у меня есть своё, русское достоинство и гордость и что в скотину они меня не превратили, как ни старались», – рассказывает попутчику шолоховский Иван Соколов. Не превратило лагерное начальство в «скотину» и сибиряка Мамонта Котова. Но если Шолохов неотступен от ровного, выдержанного в строго реалистической манере письма, то Ермакова порой «прорывает» до публицистики высокого накала...

Если в «Богине» показан герой-богатырь, то в «Сибирском клиенте» – цикле из трёх сказов со стержневым героем показан отнюдь не богатырь. И рассказано совсем не о героических, а о будничных, даже комических ситуациях из фронтовых будней рядового Аркаши, который не стесняется сказать о себе: «Родился я маленьким, рос мелконьким, грудь, что у зайчонка, столько же и силёнки...».

С присущими Ермакову юмором, доброй иронией показана череда приключений, а, точнее, злоключений незадачливого, казалось бы, вояки, которого на учениях в Черёмушках «свои же в плен взяли», который «шишек наполучал, оскорблений...». Но при всём при том дорожит Аркаша оказанной ему честью стать русским воином в лихую годину. И при всех трудностях и лишениях сидит в нём постоянный страх: «Вот явится из Сибирского военного округа генерал, увидит меня и спросит у взводного: «А этого молекула кто в строй поставил? Отчислить его, чтобы левый фланг не позорил!».

Здесь сознательное накладывание комического на трагическое, совмещение сиюминутного и вечного, малого и великого – на этих контрастах и строятся все три сказа цикла, порой поднимаясь до высот поэтической публицистики: «Бьёмся мы на Орловско-Курской дуге в сорок третьем году, аж только копать встаёт, как бьёмся. На гимнастёрках прах, в небе пепел и дымина, дымина – до солнышка. Тлеет оно там, как уголёк, как ветوشка какая – ни цветочек не обогреет, ни шмелино крылышко. Куда подавалось его ясная сила! По утрам красивые туманы от земли поднимаются над мертвецами, над окопами, над батареями. Былинное русское поле! Они цветут сегодня в солдатской памяти, огненные те палестинки, где ронялась, скипалась с землёй его кровь, где и жилой, и костью, и потрохом, и оборонным значком заслонял он первозванную свою, до братской могилы необходимую Родину. Ой, дуга, дуга! По самую эту, по самый колокольчик обмыта ты нашей горячей!».

О тех же «маленьких людях» на войне и «Ценный зверь – кирза».

Совхозный кузнец Лёвушка хранит у себя солдатские кирзовые сапоги, в которых Берлин брал, и наряжается в них в день Армии или в день Победы. И рассказывает он однажды соседу своему, тоже фронтовику, любящему «подкусить» его насчёт сапог, историю службы и взаимоотношений двух земляков – Егора Хрычкина (по прозвищу Жора Гагай) и дяди его Ефима Клёпкина. Первый – молодой балагур, ротный «стиляга», «начинающий бизнесмен», второй – серьёзный, не склонный к шутловству мужичок в годах... И не понять Жоре, почему отказывается дядя от его выгодной сделки с американскими «союзниками». А ведь сделка-то, по его разумению, действительно выгодная: за какие-то изношенные, стоптанные кирзовые сапоги шустрый Жора Гагай выменял у американцев кусок ситца и два, «на самый цыганский вкус», платка для дяди, который готовится к демобилизации. Отказался дядя от такого подарка категорически и вынул-таки племянника вернуть американцам «тиксиль-трыкотаж» и забрать у них сапоги. Так и не понял бы этого легкомысленный Жора, если бы не дядина речь на митинге по случаю демобилизации. И узнаёт племянник о давней мечте дяди – Ефима Клёпкина о хромовых сапогах. «Одно время сбился я деньжонками», да разговор зашёл с секретарём партийной организации. Вопрос стоял таким образом: «Сапоги или индустрия». Убедил секретарь парткома мечтавшего о сапогах Ефима вложить деньги в заём. И только теперь, отсалютовав Победу, признал Ефим Клёпкин великую правоту партийного секретаря: «Если живой он, тот секретарь деревенской нашей ячейки, подойду и низкий, низкий поклон отдам: «Спасибо тебе, друг, – скажу. – И за домны, и за танки. А особо за то, что пофорсить мне не дал». Шёл бы я сейчас в хромовые разобутый, в рябенькие ситчики разнаряженный, а фашист нас таких для полного парада кнутиной бы перепоясывал да подвесивал: «Эй-гей, славяне! Бороздой! Бороздой!»...

Актуальный сказ. Есть о чём задуматься русскому человеку и в XXI веке...

Многие тюменские писатели используют в своих произведениях хантыйские, мансийские, ненецкие мифы, сказки и легенды. Но немногим удаётся настолько глубоко постигнуть души аборигенов, проникнуть в глубинные смыслы их обрядов и обычаев, чтобы они воспринимались как национальные писатели. Ивана Ермакова ненцы знали и любили, как своего. В книге «Авка слушает ветер» он писал: «Каждый год я подолгу бываю на

Тюменском Севере. Дивны сегодняшние дела его. Здесь живёт-проживает Обская Царевна – Нефть. Здесь пучины и бездны, прорвы и тартарары, нагнетённые газом. И люди... «Современник в ассортименте», – как говорит мой герой. Задача писателя не только в мифологизации нефтяного освоения Севера, поэтизации трудового подвига, а именно – поэтизация человека Севера...».

Документальная повесть «Володя-Солнышко» – это повесть-расследование о судьбе русского фельдшера Володи Солдатова, волею молодой советской власти заброшенного на Ямал. Иной заурядный автор ограничился бы добросовестным исследованием судьбы погибшего при исполнении служебных обязанностей юного лекаря. Но что делает художник Ермаков? Он пишет песнь Северу:

«Тундра, тундра! Олень ли на кудрявых рогах по тебе эту скорбную весть разнёс, перекликнули ли её с синя моря на синь-озеро лебединые матери, куропатка ли с белых упругих крыл обронила вдруг перо чёрное на твои снега? Кто скажет? Кто разгадает? Далеко слышит чуткая тундра, пристально смотрит окрест себя зоркая тундра, долго помнит она, суровая и немногословная, о бескорыстных и добрых отважных сердцах, смолкнувших в вечной её мерзлоте».

И ведь как органично вплетены эти поэтические, по сути, строки в строгую, по определению, ткань «документального повествования». А может, и, наоборот: в напевную ткань лирического повествования вкраплены строки документа – искусно и бесшовно. Такой бесшовный сплав, такая тонкая «металлургия» стиливых пластов была подвластна только Ермакову.

Поражает информационная насыщенность ермаковской прозы. В той же повести о «Володе-Солнышке» всего-то на полусотне страниц открывается столько всего нового, неведомого, предстаёт такая палитра жизни ненецких рыбаков (одно лишь «кормление охотничьего ружья» гусиным салом перед охотой или описание ненецкой охоты – «талары» – чего стоит!), что иному даже мастеровитому сочинителю не освоить и на просторах многостраничного романа.

Ермаков – мастер художественной детали. О характере Володи Солдатова, о чутком сердце и доброй душе живо и ярко свидетельствует «проходной», казалось бы, эпизод, рассказывающий о привязанности татарчонка Толи к жеребёнку по кличке Валет, у которого «...высокие тонкие ноги с прозрачной роговицей копытц, закурчавевший светленький ручёк будущей гривы, изострённые любопытные уши и вопросительно-приглуповатая замшевая мордочка». А ведь это на самом деле – пронзительный «рассказ в рассказе» о любви. Любви как спасении. (То же и в привязанности «казашонка» Ермака к лосёнку Кырмурыну в «Голубой стрекозке»). Рассказ о верности и любви – любви, способной к исцелению, творящей чудеса. И Володя Солдатов полностью раскрылся в этом незначительном, на первый взгляд, но очень важном – психологически кульминационном для повести рассказе. И благодарный Володе татарчонок Толя именно с этой непоколебимой верой в исцеление подводит своего жеребёнка к окну медпункта, где умирает от тифа спасший его фельдшер.

Здесь и мотивы народных сказок «О медведе Сосилапыче с «ногой скрипучей, самодельной липовой»; здесь и охотничья байка о «звере ничтожном и малом, и имени-то звериного вряд ли достойном – зайце»; здесь и ненецкое «словечко» («вадако») – сказание о Белом оленёнке в исполнении мудрого сказителя Серпиво.

Если сказка-быль «Голубая стрекозка» по содержанию тянет на лирическую повесть, то сказ «Костя-египтянин» имеет все признаки полноценного романа. Действие в нём начинается в 1945-м в одном из освобождённых советскими и союзническими войсками немецких городков, развивается в сибирской деревне в 1956-м – во времена англо-израильской агрессии против Египта, продолжается в 1960-х на Волге, в Сибири, в Египте и завершается первым официальным празднованием Дня Победы в 1965 году.

«Вчуже» и дико сделалось танкистам Косте Гуселётову и Кондратию Карабазе, когда увидели они, как белый американский офицер принял за избивающего своего водителя-негра. И вступились сибиряки за «гнетённого» негра, с которым только что из дружественных, союзнических побуждений, как «пролетарь с пролетарью» из одной бутылки вина отпили. Оказались земляки сначала на «родной гауптвахте», а затем, несмотря на заступничество танкистского братства и сочувствие коменданта, под трибуналом. И вся-то «вина» их выражена в мыслях вынужденного судить своих же всё понимающего, но безмолвствующего судьи: «Сынки! Отчизны спасители! С молоком Революции питали мы вас понятиями и класса, и братства... С пелёнками Революции, с первым ситчиком дарили мы вам гутаперчивых негрятёнков, китайчат, эскимосиков... На первой бумаге печатали «Хижину дяди Тома»... Теперь вот... Кого и за что я сужу?»

Помимо непростых судеб Кости Гуселётова и Кондратия Карабазы в сказе (так и хочется написать – «в романе») показаны удивительные зигзаги, крутые переломы в жизни учительницы Елены Васильевны (Ленушки), Костиныной тётки Софьи Игнатьевны, деда Луки Северьяновича – выписанных удивительно ярко и зримо.

Во многих произведениях Ермакова проглядывают черты самого автора. В «Голубой стрекозке» писатель так описывает своего героя Берёстышку – берестяных дел мастера Кузьму Алексеевича Пяткова из деревни Весёлая Грива: «Третья радость у него была – ребятишки да сказки. Не какие-нибудь там дедками насказанные, а свои – Берёстышковые. Возьмёт самый заурядный случай и в такие узоры его изукрасит, так быть с вдумкой переплетает, что только сиди да покрывай. И мухомор, и пчела, и окунёвый глаз, и кукушкино яичко – всё у него на свои особые голоса заговорит. Болотная кочка – та чего-нибудь мокрыми, моховыми губищами бухтит-квачет. На всякие изломы да повороты язык свой приловчил...».

В том и заключается творческий метод писателя. Каждый из ермаковских персонажей имеет свою «причудинку», свою отличительную особенность. «Без человека с «причудинкой» жизнь-то, что еда без приправы. Ни соли тебе в ней, ни уксусу» («Ценный зверь – кирза»).

Поражают выразительные, прямо-таки рельефные «цветные портреты» «лебедь-старика» Якова Ивановича Хатанзеева, деда Карпуши – царского солдата, ненцев-рыбаков – весёлого, компанейского Янгата Алико и Тяльки Пыерки, председателя колхоза Ивана Титовича Корепанова, старого сказителя Серпиво, Кузурманча («Кузнецы»):

«Кузнец высок, жилист, крут в движениях. Немногословен и вдумчив при разговоре. Выслушивая собеседника, вздымает лохматую правую бровь. В коже лица прижились синеватые звёздочки охладившей окалины. Постоянное горячее соседство горна и раскалённых тяжёлых поковок наложило на подбородок и скулы льготный круглогодичный загар. Серые, как железо в изломе, глаза. Улыбается редко, зато уж не через кривую губу. Весь твой».

Невозможно не остановиться на одних только зачинах ермаковских сказов: «Я на фронте всё больше ожоги получал. И варило меня, и пекло, и смолито. Ну, об этом речь впереди. Начать же надо с того, что неправильно меня воспитывали» («Сибирский клиент»).

«Спасибочки – не курю. Я табачок через нос употребляю. С гражданской войны привычка» («Аврорин табачок»).

«Детинка с сединкой везде пригодится... В Крыму гостил – яблони окапывал, за Байкалом – внучонка доглядывал, а в Заполярье... Впрочем, здесь сказ не на час» («О чём шептал оленёнок»).

«Память вспять живёт. Былому – зеркальце... Стоит избушка, а в ней старушка. Избушка старая – сворешня новая» («Память»).

При жизни Иван Михайлович издал 14 сборников произведений, в их числе «Голубая стрекозка» (1962), «Атаманово подаренье» (1964), «Солдатские несучальки» (1964), «О чём шептал оленёнок» (1966), «Петушиные зорьки» (1968), «Костя-египтянин» (1969), «Володя-солнышко» (1971), «Стоит меж лесов деревенька» (1973). Его сказы широко печатались в различных журналах и коллективных сборниках, но ни одна из его книг до сих пор не переведена на иностранные языки. В чём же дело?

Земляк Ермакова – писатель из Казанского района Николай Ольков вспоминал: «...Проводились Дни советской литературы в Тюменской области, приезжали писатели из славянских государств, изумлялись сказами Ермакова и брали для переводов, но ни один не сумел. Нет в других языках равноценных и равнозначных слов ермаковскому языку. Он уникален, и читать его можно только по-русски».

Невидимая часть айсберга писательского труда Ивана Ермакова – в многотрудных поисках слова: «А на краешках земли нашей народная память по жемчужинке, по алмазинке выскивает дорогие слова, которые, как цветы бы, пахли, как ордена бы, сверкали на богатырской груди русского солдата. И в сказку годятся эти слова, и из песни их не выкинешь, а про героическую быль рассказать ими достойно» («Богиня в шинели»).

Вершина айсберга – читательский успех – в таланте слышать, переживать, учиться у народа «этим дорогим» – незаёмным – словам. Не об этом ли сказал мастер в своём публицистическом сказе «Кузнецы»:

... «У меня материал – слово.

Несогретое в горне души, оно – как холодное железо: шершавое, упрямо, неподатливое. Не тронь холодное – один звон.

Но если вдруг... слово засветится, если почувствуешь, что оно горячее, обжигается – не медли! Укладывай его скорее на «наковальник» и бей, заострай, закаливай, доводи!..

...Учите, учите меня, кузнецы! Куда бить. Во что целить. Как горячим выхватывать слово из «горна».

Стихи победителей поэтического конкурса им. Н. Денисова

Владимир ВОЛКОВЕЦ

***

Нас август берет на испуг,
Нахохлится, расхорохорясь,
Но вместо горошин из туч
Просеется млечная морось.

С утра паутинно тенист,
К закату размашисто перист,
Он посвист осенних синиц
Добавил в осиновый шелест.

Кедровник угрюмо намок.
И слышно, как ухнула чутко
В бездонно податливый мох
Чугунно граненая чушка.

На хвою нанизанный дождь
Заставит любого с поклоном
Войти в тишину, и войдешь,
И канешь в живом и бездонном...

Когда-то я здесь заплутав,
Отчаялся выбрести к людям,
А нынче сюда же стремглав
Срываюсь от суетных буден.

А нынче за несколько лет
Напористой нефтедобычи
В дорогах, качалках и ЛЭП
Запутался б даже лесничий...

Теперь от сибирской тайги,
Что между Уралом и Обью,
Остались шуметь островки,
Хранимые зыбью да топью.

***

Черемуховым холодом и мхом,
И плесенью березовых проплешин,
И волей – пробираться напролом,
Оставленный уют уравновешен.

Податливые листья на ветру
Не глажеными выглядят и с ними
Зашевелились тени, а вверху –
Лоскутные проглядыванья сини.

В зеленой оживленной новизне,
Тревожен и насуплен для блезиру,
Ты, откровенно радуясь извне,
Стоишь внутри разбуженного мира.

По озеру гуляет пересверк,
Как щибета и свиста отраженье.
Здесь только с человеком человек
Сторонятся случайного общенья.

Тут за воспоминаньями кружа,
Прикинешь без тоски и междометий,
Что противостоит твоя душа
Не большему чем времени и смерти.

Вечерних электричек переклик
Вернёт к необитаемой «хрущёвке»,
Где встретит тебя в зеркале старик
В пыльце и паутине, как в обновке.

***

К деревьям из домашнего тепла
Перемещаю творческий свой быт.
Подтаял лёд под ножками стола
И, кажется, он в воздухе парит.
Предчувствует бессонье и полёт,
Восторг и боль, отчаянье и риск...
Пока зерно в контекст не попадёт,
Пока слова не развернутся в лист.

ГЛУБИНКА

Там зимы изысканен изгиб
И сугроб почти патриархлен
Возле деревенских темных изб,
Огородов с пятнами проталин,
И полей, что позабыли плуг,
Храп и топот лошадиной силы...
А тропа ведет, уводит вглубь
В февралях затерянной России.
Изгородь. Колодец. Коновязь.
На гвозде звезда заместо капли...
А тропа рвалась, не прервалась,
Просто за ненужностью иссякла.

***

Зимний омут колоколом гулким
Разразился в стылой тишине,
Дрожью пробегая по сосулькам
И шальным ознобом по спине.

Рыбаки сбежались, как в бинокль,
Смотрят в лунки, не поймут на чьём
На крючке килограммовый окунь
Колокольню бьется подо льдом.

Я приду: вцепился – не сорвётся,
К ледяному краю подтащу.
Эх, красавец! – полюбуюсь просто.
И назло жадюгам отпущу.

***

Облака к горизонту прибиты.
Ждет земля – не дожидется дождя.
И начнет пару дней погода,
Камень от тоски и обиды.

Веет зноем грядущей пустыни
Из песчаной прорехи во мху.
Двадцать лет как сгубили тайгу,
А душа в ней кружит и поныне.

Где река отползла на полметра,
Двухнедельной щетиной трава.
Лес молчит, вспоминая слова,
Что разбрасывал осенью щедро.

Муха сослепу или спросонья
Замоталась в паучий капрон.
Под корягой играет хребтом
То ли щучья семья, то ли сомья.

В небе птица парит, замирая
На шуршанье ужей и мышей.
Здесь присутствие жизни моей
Только миг без начала и края.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Состав от гудка передёрнет,
И мне продолжением сна
Откроется утренний город
Развернутым видом с моста.

Привет!
Убеждай, возвращаться
Совсем не примета, а путь
К себе, к пониманию счастья,
К тому, что уже не вернуть.

Тут каждый проулок и камень
Зовёт погрузиться, а в ответ
Читаю им город на память,
И жизнь проверяю на свет.

НАД ХРАМОМ

Вознесся куполами в поднебесье,
Где ястреб над былинными краями
Скользит канатоходцем, равновесье
Удерживая чуткими крылами.

Над Иртышом ни облачка, ни дыма.
Гуляет ветер с переливом птичьим.
И чувство совершенства объяснимо
Благоволеньем Божьим и величьем.

Владимир СКИФ

***

*Покосился забор и упал,
Все заборы в России упали.
Юрий Кузнецов*

Хлестанул по России напалм,
Все заборы в России упали.
Я смотрю: мой забор не упал,
Потому что забор – на Байкале.

Потому что из гор – мой забор,
Из стального байкальского кедра.
Не сломал его – века топор
И кувалда заморского ветра.

У меня за забором тепло,
Вражью он остановит лавину.
Всех, кого из Руси унесло,
Я зову на свою половину.

За забором звенит перебор
То баяна, то русской гитары...
Не пройдут через этот забор
Двадцать первого века хазары.

***

Столбы гудят и мчатся вдаль,
На горизонте пропадая.
Жнёт перезревшую печаль
В полях бескрайних Русь святая.

Берёза плачет над крестом,
Ей ветер косы расплетает.
И в поле чёрном и пустом
Ворона мёртвая летает.

Здесь дом стоял. И от плетня
Меня влекли – судьба и воля.
Теперь в разверстой пасти дня
Калитка хлыбает средь поля.

В ночную копоть скрылся лес,
Господь с России мглу сметает.
Звезда срывается с небес,
И до земли не долетает.

ПАМЯТИ ГЕОРГИЯ СВИРИДОВА

Музыка поля открытого,
Снег и метель в Рождество
Стали дыханьем Свиридова,
Трепетной музыкой его.

Музыка века пробитого
Стала на все времена
Сердцебиеньем Свиридова,
Болью, лишающей сна.

Господом –
вечность отпущена,
Тихая радость и грусть,
Слово высокое Пушкина
И деревянная Русь.

Век и его потрясения
Переступили порог
С песенным даром Есенина,
С тайною блоковских строк.

В небе звучит оратория,
Как Маяковского бас.
Годы листает История,
Время не жалуется нас.

Возле народа несёт
Над полонённой страной
Нежное сердце Свиридова
Пело скрипичной струной.

Возле мальчишки убитого,
Возле московских оград
Русское сердце Свиридова
Билось, как будто набат.

И над полями-заплатами
Горестной русской земли
Музыка пела и плакала,
И затихала вдали.

Сердце горело и таяло,
И, догорев в Рождество,
Бренную землю оставило...
Вот и не стало его.

Смотрит держава зарытая,
Как, забирая в щепоть,
Чистую душу Свиридова
В небо уносит Господь!

В ВЕЧНОСТИ

*Идея нации есть не то, что она
сама думает о себе во времени, но
то, что Бог думает о ней в вечности.*

Владимир Соловьев

Россия, я – твой верноподданный.
Я – воин и служитель муз.
С народом, преданным и проданным,
Несу вины тяжёлый груз.

За оскорбленность русской нации,
За обещаний миражи,
За то, что зло затвором клацает
И рушит горницу души.

О, мой народ! В осенней темени
Пути Господние познай!

Не думай о себе во времени,
А лишь о Боге вспоминай:

Когда от грома сотрясается
Небесная живая ткань,
К тебе незримо прикасается
Творца Целительная Длань.

И на краю метельной Млечности,
Где блещет звёзд иконостас,
Бог в изменяющейся Вечности
С тревогой думает о нас.

***

*Юрию Кузнецову, великому русскому
поэту, автору книги «Русский узел».*

Твоему закалённому духу
Молчаливо внимает страна.
Твоему абсолютному слуху
Боль грядущего века слышна.

Ты уходишь на стороны света,
Оставаясь на месте своём,
Понимая, что имя Поэта
И душа не сдаются внаём.

Для высокого русского СЛОВА
Ты на грешную землю пришёл,
Чтоб до мёртвого и до живого
Достучался твой зримый глагол.

Православный
и нехристь,
и выкрест,
Все нашли себя в русском краю,
Но извечно злобой антихрист
Прожигает Отчизну мою.

Полумёртвые падают птицы
Над пустым, обгоревшим жнивьем.
Ты выходишь
с антихристом биться –
Русский ангел с последним копьём.

Андрей ФРОЛОВ ОГОНЬКИ

На округу вечер лёг
Шапкой-невидимкой.
Но не гаснет огонёк
За туманной дымкой.

Свет ли позднего окна,
На лугу костёр ли?
Комом смутная луна
Застревает в горле.

И когда невмочь от бед,
И надежды нету,
Сквозь туман идёшь на свет
И выходишь к свету.

Как спасенье от тоски
И примета силы,
Золотятся огоньки
В пасмурной России.

КОГДА-НИБУДЬ

Стало в городе постыло,
Я подамся до села –
Там жила прабабка Мила,
Очень правильно жила.

А когда туда приеду,
Как в насмешку над собой,
Заведу за жизнь беседу
С покосившейся избой.

Мне расскажут половицы
Про скрипучий свой недуг,
И ворчливо забранится
Старый бабушкин сундук:

– До каких таких пределов
Под замком добро стеречь!?!
И дымком заплесневелым
Поперхнётся гулко печь.

И прабабушка к обеду
Выйдет, памятью светла...
Я когда-нибудь приеду,
Наплевав на все дела.

НА ПОКОСЕ

Отава изросью умыта.
Из лога выплыла заря.
Литовка шикает сердито
На неумеху-косаря.

Срываю потную рубаху –
Не деревенских я корней,

Но я упрям, и с каждым взмахом
Строка прокоса всё ровней.

Здоровье, вроде, не воловье,
А не устал за два часа –
Шепчу старинное присловье:
«Коси, коса, пока роса!»

ИЮЛЬСКИЕ СТИХИ

1. Ночь

Вышла из-за облака луна,
Озарив округу бледным светом.
Крикнешь, и ночная тишина
Выстрелит раскатистым дуллетом.

Ото сна встряхнет речную гладь,
Распугав ватагу юрких бликов,
И сомкнется наглухо опять –
До зари, до первых птичьих криков...

2. Утро

Старый пруд, затерянный в глуши.
У воды ракиты прикорнули.
Браво, в три шеренги, камыши
Замерли в почетном карауле.

Резкий взмах пружинистой удой –
Чуть с оттяжкой влево, как учили, –
Снасть несётся пулей над водой
И, блеснув, скрывается в пучине.

Гаснет рябь от лёгкого шлепка.
Жду, волнуясь, первого успеха.
Тишина настолько глубока,
Что не возвращает даже эха.

***

Надсадно выла автострада,
Горячим выхлопом дыша –
Через шоссе валило стадо
Размеренно и неспеша.

Тяжеловесны и угрюмы,
Как будто спали на ходу,
Коровы медленную думу
Жевали, точно лебеду.

И снисходительная жалость
К людской извечной суете
В глазах косящих отражалась,
Как в застоявшейся воде.

БАБЬЕ ЛЕТО

Богом посланная милость –
Тёплый солнечный денёк.
Это лето зацепилось
Паутинкой за пенёк.

Продолжает труд тяжёлый
Забубённая пчела.
Пацаны бегут из школы
На окраину села.

Промелькнут по косоугору –
Мимо пасеки, на брод.
А пескарь в такую пору
И на голый крюк берёт!

***

Линялый август...
Встать до солнца,
Когда ещё в ознобе сад,
И пересуды у колодца
Вчерашние ещё висят;

Набросив – так, на всякий случай, –
На плечи дедовский бушлат,
Хрустя антоновкой пахучей,
Пробраться мимо спящих хат
За край села, где по-над лугом
Туман раскинулся ковром;
Брести в нём, влажном и упругом,
На колокольчики коров;
Ступить в дымящуюся реку
И плыть заре наперерез...
Каких же нужно человеку,
Помимо этого, чудес?

***

Ивану Рыжову

В деревне Коровье Болото
Совсем не осталось коров,
Да и от деревни всего-то –
Двенадцать замшелых дворов.

Воеет старик-долгожитель
С колодезным журавлём:
– Помрём-то когда же, скажите?
Ведь всё же когда-то помрём...

Горбатятся крыши косые,
Хребтами белеют плетни...
Храни, Вседержитель, Россию!
И эту деревню храни.

РОДИНА

Дойдешь до чёрного столба,
Сверни направо:
Твоя здесь скорбная судьба,
Твоя держава.

Твой худо-бедный огород
В тени крапивы,
Тебя заждались у ворот,
Рыдая, ивы.

В лугах не кошена трава
Четыре срока.
А мать... а мать ещё жива,
Да одинока.

Ждёт обветшалая изба
Тебя так долго.
Сверни у чёрного столба, –
Нет выше долга.

ГЛУБИНКА

Сдвинув в сторону плетень,
Бог поставил мету
Из окрестных деревень
Именно на эту.

В холода дворы тесней
Прижимались к тыну,
Отмирили по весне,
Пережив годину.

Быт размерен,
у людей
Вкусы простоваты:
Сговорясь, в апрельский день
Все белили хаты.

Дружно – вспашка,
Дружно – сев,
И любой при деле.
Здесь и немцы, обрусев,
Под гармошку пели.

• БЕЗ ДЕРЕВНИ НЕ БЫТЬ РОССИИ

Как убивают деревню

Мне выпало счастье родиться в селе Афонькино Тюменской области, расположенном на песчаных буграх, у подножия безымянной горы, бывшей крутым берегом древней могучей реки, съёжившейся до нынешнего тихого и безводного Ишима. В селе после Великой Отечественной войны были два хозяйства, объединившиеся позднее в колхоз имени Ленина. Председателем избрали фронтовика Григория Андреевича Андреева. С его приходом народ повеселел, стали хлеб на трудодни получать, прибыль стала оседать на банковском счете.

Изучая архивные материалы колхоза имени Ленина, я невольно сравнивал Андреева с его коллегой Егором Трубниковым из фильма «Председатель». Такая же хватка, сообразительность, предприимчивость. Андреев запускает ветряную мельницу, обслуживает своих колхозников и соседей. Разбивает яблоневый сад, в густом лесу находит песчаники, распахивает бахчу и выращивает арбузы, которые в 1956 году демонстрировались на ВДНХ СССР, а колхоз получил в награду библиотеку художественной литературы в тысячу томов. Распахивают целину за старицей Сухарюшка и выращивают овощи. Яблоками, арбузами, картофелем и овощами всю осень торгуют в Петропавловске. В колхозе много овец, председатель находит мастеров и открывает пимокатню. От заказчиков нет отбоя. В колхозный устав вносятся изменения, позволяющие колхозникам иметь огород до гектара, коров до трех, соответственно, шлейф молодняка, а это еще шесть голов, к тому же до 25 овец и неограниченное количество птицы и кроликов. Андреев закупает локомобили с собственным ходом, они приводят в действие новую пилораму, мельницу, шпалорезку, кирпичное производство.

Достаток позволяет вести не только хозяйственное строительство, но и улучшать условия жизни на селе. Запускается первая в районе электростанция, первый в районе водопровод, он и сейчас работает. В 1954 году колхоз первым в районе стал миллионером, причем половину дохода принесли вспомогательные производства. Крестьяне с помощью колхоза стали строить дома, появились первые мотоциклы и автомобили. Но – Андреев в 1955 году сразу после выполнения плана хлебопоставок выдал колхозникам авансом по два килограмма пшеницы на трудодень. Новость быстро облетела район, во многих колхозах народ возмущался, почему в Афонькино дали хлеб, а нам – нет. Райком партии признал действия Андреева «антигосударственной практикой в деле выполнения планов хлебопоставок», объявили строгий выговор и на собрании на должность не рекомендовали.

Потом у нас образовался совхоз «Сибиряк», жили, работали, строили. Потом был Хрущёв с экономическими и политическими кульбитами, уж шибко ему хотелось все и сразу: крестьян переселить в многоэтажки с удобствами, запретить заниматься личным подворьем, чтобы в свободное время «повышать культурный и политический уровень». Коммунизм построить... Далее в семидесятые к телу Генсека Брежнева пробились два ученых провокатора Заславская и Аганбегян с теорией неперспективных деревень. И подана она была под соусом «специализации и концентрации сельскохозяйственного производства», так что не особо разбирающемуся Ильичу понравилась: каждое хозяйство специализируется на одном-двух направлениях, производство концентрируется на центральной усадьбе, малые деревни, бригады колхозов и отделения совхозов, ликвидируются. И понеслась теория в практику. Из деревень вывозили скот, угоняли технику. Школу, медпункт, магазин закрывали. Крестьяне стали вязать узлы с барахлом. А уж коли русский мужик с места сорвался, то через центральную усадьбу непременно в ближайший город.

И страна не только потеряла за 1960–1990 годы до полумиллиона населенных пунктов, но и резко сократила производство. С семидесятых по восьмидесятые годы импорт зерна увеличился в четырнадцать раз, мяса в пять, а сливочного масла в 184 раза.

Грустную картину являет мне родное село Афонькино в нечастые бывания к дорогим могилам. Присевшие, как от испуга, дома, некогда гордо украшавшие улицы, опустевшая школа – на тридцать комнат тридцать же учеников, непривычно тихий клуб... Все изменилось.

В десятые годы две мощных кампании бульдозером прошлись по

родной земле: интеграция и оптимизация. Первая есть продолжение искусственного создания неперспективных деревень (по Заславской и Аганбегяну), которые, лишённые производства, обречены на исчезновение. Интеграция – присоединение к более сильным частным предприятиям слабых кооперативов и крестьянских хозяйств, самый простой способ вернуться к крупно-товарному производству, за которое так жестоко критиковали советскую власть. Так бесславно похоронено романтическое (или подленькое?) увещивание агрореформаторов, что фермер прокормит страну. Именно под этим лозунгом они разогнали колхозы и совхозы с усердием ничуть не меньшим, чем их предки проводили коллективизацию. Результатом этой кампании стало создание в каждом районе двух-трех крупных предприятий, а деревни, не попавшие в их зону, из производства выпали, люди живут натуральным хозяйством.

Оптимизация взорвала остатки социальной сферы. В малых деревнях закрыли школы, клубы, медпункты. Власти объяснили все просто: содержать эти объекты экономически невыгодно, надо «оптимизировать» затраты на сельскую культуру, медицину, школу. Большой и книгочей в малой деревне дорого обходятся государству...

Когда последних стариков увозят на погост или переселяют в двухэтажки райцентра, обезлюдевшая деревня, униженная своей ненужностью, угасает. Сохранившиеся бревна ее изб и домов предприимчивый люд развозит на бани и гаражи. Потом приезжают ставшие горожанами пенцы деревенского гнезда и стыдливо ставят камень с выбитой эпитафией: «Здесь была такая-то деревня...». И, конечно, уже никогда не будет.

По роду своей журналистской работы знал многих сельских руководителей из председателеского и директорского корпуса. В основном это были люди толковые, понимающие свое предприятие как основу всей жизни входящих в него сел и деревень. Они не видели ничего противоестественного в том, что хозяйство тратит силы и средства на строительство дома культуры, средней школы, магазина, медпункта. Мы все считали село и хозяйство в нем единым социально-экономическим комплексом, даже организмом, друг без друга они существовать не могут. И мы были правы. Когда разогнали совхозы и колхозы, падение всей социальной надстройки было предопределено.

Возможны ли перемены к лучшему? Предпосылки к тому нет. Мне известны крупные и экономически самостоятельные частные или акционированные сельхозпредприятия, отметившие пятнадцатилетие и двадцатилетие юбилеи, но их руководители озабочены только производством и прибылью, что полностью соответствует заявленным в уставах целям. Обязаны они вникать в проблемы сел и деревень? Юридически – нет, а другие нормы сегодня не особо в чести. Надеяться, что государство по-настоящему снизойдет до участия в возрождении деревни, более чем наивно. С каждым новым назначением отраслевого министра крестьяне испытывают унижение и стыд: железнодорожник, врач, юрист...

Село мое родное... Иду по улицам детства и смахиваю слезу со щеки, чтобы никто из земляков не заметил и не спросил, по ком я плачу. Что я отвечу?

Меня можно упрекнуть в ностальгии по былым временам, по советской власти. Пожалуйста, упрекайте, только поймите: человек прост, если он лишен фанатических политических убеждений, тогда тоскует не по секретарю райкома, не по диктатуре пролетариата, а по нормальной жизни. Вообще-то стоит напомнить забывчивым, оболваненным и просто молодым, что нормальная жизнь – это когда у тебя есть работа и право ее выбора в соответствии с образованием и моральным обликом (представьте себе!); когда ты знаешь, что случись болезнь с родителями, в больнице их примут, не спросят ни звания, ни чина, ни наличия чековой книжки, и полечат, чем могут, а сложная ситуация – вызовут самолет санитарной авиации и увезут к больным специалистам (и такое знаю); когда твои дети после абсолютно бесплатной средней школы едут в столичные вузы и поступают без взятки

Тюмень литературная

и мохнатой руки; когда перед отпуском тебя вызывают в профсоюзный комитет и предлагают путевку в санаторий, а ты еще кочевряжишься: да нет, не поеду, лучше дома на рыбалку схожу. Ты не боялся включать телевизор при детях, потому что зрители не градировались на 12, 16 и 18 с плюсом. Тогда не было развязной Ксюни, наглого Нагиева и паршиво-пошленького Урганта. Тогда были красивые, с умными глазами и безукоризненной дикцией дикторы. Тогда учили: хочешь говорить правильно – слушай радио и смотри телевизор.

По каждой высказанной позиции я могу привести убедительные аргументы и примеры. В том обществе человек, сменивший нескольких жен и оставивший детей, не мог стать руководителем региона или министром. Чиновник, на которого только пала тень воровства или мздоимства, изгонялся немедленно. (Мне сей же час ткнут советский Узбекистан. Кое-кто до сих пор верит, что там лопатами гребли золото партийные руководители и даже актив, хотя уже давно признано, что Гдлян и Иванов, «раскрывшие» ту коррупцию, работали по спецзаказу, как и многие тогда в СССР). Простите личное: я окончил сельскую школу, но был принят на учебу в единственный в стране Литературный институт при конкурсе 60 работ на место. Рядом со мной были простые парни и девчата, и только несколько «блатных»: поэтесса, дочь замминистра, критик, сын секретаря Ленинградского обкома. И все, пожалуй.

Сегодня сибирское село живет трудно. Есть официальная статистика: безработица в Тюменской области менее одного процента, а средняя зарплата более 34 тысяч в месяц. Конечно, этому никто не верит. В половине деревень нет производства совсем, но люди имеют

земельные паи, и потому причислены к бизнесменам. Вот и нет безработицы. А средняя зарплата – это то же самое, что средняя температура по больнице. Если областные депутаты за свои непомерные труды получают до полумиллиона, наверное, можно нивелировать подачку в восемь тысяч доярки или тракториста. Хотя, как говорят, ВЦИОМ все знает и все может...

Возникают все новые инициативы по убиению деревни. Чего стоит попытка ограничения количества скота и птицы в личных подворьях селян. Один из аргументов: мычание и петушиное пение... мешает дышать людям. Считается, что достаточно во дворе трех голов крупного скота и двух десятков овец. Три головы – это одна корова с приплодом за два отела. А многие семьи живут за счет подворья, пять-семь коров, продажа молока, к зиме – мяса. Ограничат – по миру пустят многие тысячи людей. Потом будет инициатива о налоге на корову и огород, с чем советская власть покончила через двенадцать лет после Великой Отечественной войны. Еще родится инициатива, способная радикально пополнить разворовываемую казну: ввести лицензии на сбор лесных грибов и ягод. Леса и озера вокруг деревень сданы в бессрочную аренду. Крестьянин обложен со всех сторон. Прихожу к убеждению, что это правительство способно принять любые меры, чтобы навсегда покончить с деревней, а стало быть, и с Россией. Сколько она еще выдержит? Ответ, родная деревня! Не дает ответа. Только слезинки тоски и боли скатываются с ее некогда красивых ресниц.

Николай Ольков.

• ЗНАЙ НАШИХ

Мировой гений тюменских кровей

Триумфатор XV Международного конкурса имени П. И. Чайковского (2015), обладатель I премии и Золотой медали, Дмитрий Маслеев стал настоящим открытием этого престижнейшего музыкального соревнования. И публика, и пресса в данном случае полностью разделили единодушный выбор жюри, что на конкурсах, как правило, редкость. Следующие за победой гастролы принесли ему признание мировой аудитории, а международная пресса отозвалась о нем как о «великом пианисте будущего» (LaCroix), «блестящем виртуозе» (TheFinancialTimes) и «артисте с метафизической музыкальностью» (NeueMusikzeitung). Среди последних выступлений Дмитрия Маслеева — концерты на фортепианных фестивалях в Вуре, Ла Рок д'Антероне, Бергамо и Брешии и в зале Gasteig в Мюнхене, два гастрольных тура по Японии с оркестрами под управлением Валерия Гергиева и Юрия Башмета, французский дебют с Национальным оркестром Капитолия Тулузы, гала-концерт на открытии Музыкального фестиваля в Стамбуле, а также концерт в Базеле, где он заменил заболевшего Маурицио Поллини.

За успешными выступлениями последовали новые ангажементы. В январе 2017 года состоится долгожданный сольный дебют Маслеева в Карнеги-холле (зал Исаака Стерна) с программой из произведений Скарлатти, Бетховена, Листа, Рахманинова и Прокофьева. В новом сезоне Дмитрий дважды сыграет в Париже: в Филармонии и музее Фонда Луи Виттона. По приглашению Валерия Гергиева, он вновь выступит в Концертном зале Gasteig, где исполнит первые три фортепианные сонаты Прокофьева, также в Мюнхене состоится его концерт с Мюнхенским филармоническим оркестром, на котором он

исполнит Первый концерт Бетховена. Дмитрий Маслеев будет гастролить по Германии с Национальным филармоническим оркестром России под управлением Владимира Спивакова и в странах Азии с Филармоническим оркестром Радио Франции под управлением Микко Франка, исполнит Рапсодию на тему Паганини С. Рахманинова с Симфоническим оркестром Берлинского радио под управлением Роберта Тревини. Пианист продолжит выступления на наиболее престижных фестивалях Германии — состоятся его сольные концерты в Рейнгау, Мекленбурге и Бад-Киссингене. Сольный концерт Маслеева пройдет также на фестивале Pianoscope во Франции, возглавляемом Борисом Березовским, который назвал Маслеева «безусловным открытием» и «совершенно гениальным пианистом». Позднее Борис Березовский и Дмитрий Маслеев дважды выступят с совместными концертами в Москве, на которых исполнят произведения Бартока и Листа.

Дмитрий Маслеев родился в Улан-Удэ. Окончил Московскую консерваторию в классе профессора Михаила Петухова, затем стажировался в Международной академии пианистов на озере Комо (Италия). До своего триумфа на конкурсе имени Чайковского, где жюри вручило ему Первую премию и специальный приз за исполнение концерта Моцарта, Маслеев стал победителем многих международных конкурсов, среди которых Конкурс пианистов Адиллии Алиевой в Гайаре (Франция, 2010), Premio Chopin в Риме (2011) и Antonio Napolitano в Салерно (Италия, 2013).

Мало кто знает, что великий пианист имеет прямое отношение к Тюмени, точнее, к селу Казанское. Здесь родился его отец Владимир Иванович, здесь до недавнего времени жили его бабушка и дедушка – Иван Павлович, электрик, и Нина Трофимовна, детсадовский воспитатель. Уже после московского триумфа, когда он стал победителем Международного конкурса пианистов имени П. И. Чайковского, я спросил Дмитрия, помнит ли он Казанку.

– Конечно, помню, ведь в детстве мы с папой почти каждое лето ездили к бабушке к дедушкой.

– Не собираетесь выбрать минутку, чтобы побывать в Казанке?

– Едва ли. Но я буду выступать с концертом в Тюменской филармонии и приглашу своих тещек и дядюшек.

От вопроса о маме я воздержался. Буквально в первые дни конкурса из дома пришло известие: умерла мама. Дмитрий нашел в себе силы отринуть личную трагедию и целиком сосредоточиться на музыке. Позже, когда музыкальный мир узнал об этих обстоятельствах, все были потрясены волей и мужеством молодого дарования.

Соб. инф.

Вексель на строчку в истории

О повестях и рассказах тюменского писателя и публициста Николая Олькова

Совсем недавно, 5 марта, мы отметили день рождения Валентина Григорьевича Распутина. Припоминается, что Президент России Владимир Путин, поздравляя юбиляра с 75-летием, сказал: «Вас знают, как ярко, самобытного писателя, признанного Мастера современной отечественной литературы. Все Ваши произведения проникнуты искренней, глубокой любовью к людям, к родной земле, ее истории, традициям. Эти книги, ставшие классикой, в полной мере отражают Вашу жизненную, гражданскую позицию и высоко оценены читателями – и в России, и далеко за ее пределами».

Это и есть оценка «деревенского» направления в русской литературе прошлого века, носителями которого были и В. Распутин, и В. Белов, А. Яшин, М. Алексеев, Ф. Абрамов, Е. Носов, Н. Рубцов, В. Солоухин, В. Тендряков, В. Лихоносов, В. Липатов, В. Астафьев, И. Акулин, В. Герасин, В. Шукшин, Б. Можаяев, С. Залыгин и другие писатели того времени.

Поэтому слюнтяйско-либеральное фырканье, пренебрежение к «деревенской» литературе – это попытка умалить, извратить её роль в гражданском, нравственном возмужании российского читателя.

Невежество до сих пор в обществе составляет увесистую массу, пользуясь, что на его стороне сейчас находится материальная сила, оно пытается своей мохнатой лапой разворотить людские сердца и всецело властвовать над ними.

«Какое нам, в конце концов, дело до грубого крика всех этих горланящих шарлатанов, продавцов пафоса и мастеров напыщенности и всех плясунов, танцующих на фразе?».

Отталкиваясь от этих слов французского поэта и драматурга О. Барбье, хочется сказать: вот именно, – нам нет никакого дела до тех современных «танцующих на фразе» литераторов, которые своей выпендренностью и критиканством хоронят праведное русское слово, русскую литературу, её лучшие достижения, в том числе, и её полувековой пласт прошлого столетия, условно именуемый «деревенским».

Это морозовым и компании кажется, что не следует помнить тех, кто стал достоянием историков литературы, нужно напрочь забыть их имена, не включать их в школьные программы – якобы, они ничего не прибавляют к познанию современной России.

Это им претит «бесконечный поток Анисий, Ильичей, Петровн» в произведениях реалистов, а духовность представляется «дополнительным грузом» для человека.

Словно, и не слышали никогда, что

жизнь народа, его учреждения, его верования и искусства суть только видимые продукты его невидимой души. И общество только тогда сплочено, когда упрочены не только законы и кодексы, но прежде всего, души людей.

И когда «забота государства о духовности уходит из его поля зрения, такое государство неизбежно приходит в упадок, оно осуждено на исчезновение».

При этом литературные лукавцы забывают, что именно писатели-классики внесли заметный вклад в духовное укрепление русского народа, в развитие его культуры.

Будучи социально зоркими, откликаясь на происходящие процессы своего времени, они вскрывали корни явлений, несли важную некричащую правду. Их слово было вдумчивым и благородным в упорстве духа. Отсюда – и их пророческие обобщения.

Они действительно заглянули в «зевсовы чертоги» и увидели в вечных идеалах «то, что смертным в дозах малых открывает божество».

Их творчество слито невидимыми внутренними нитями таланта и томится общими настроениями, общей болью за судьбу России.

Такая же тревога за народ и Отчизну, искренняя любовь к ним и родной земле сквозит в повестях и рассказах тюменского писателя, яркого публициста Николая Олькова.

То-то он «не забыл еще в своих блужданиях по белому свету названия наших пашен и других кормовых мест – Поляков Колок, Новиков Дом, Первые Ямки, Вторые, Кулибачиха...».

В слиянии автора с народом, в совершенном проникновении его личности с народным духом и заключается вся его сила, вся тайна его притягательного писательского мастерства.

Художественная канва произведений Николая Олькова озарена светом глубокого внутреннего человеческого сочувствия и гуманизма.

Поэтому вы не встретите ни одной крикливой ноты, или банального штрих-разочарования, а, тем более, тенденциозных писаний с намерением приобщиться к какой-нибудь новомодной волне в современной литературе – то ли по части языка, то ли идеологических спекуляций.

Писать обзор произведений этого писателя не просто, как может показаться на первый взгляд: творчество полифоническое, многоголосное. Всё и обо всём так сразу и не скажешь. Да и не нужно. Тем более, что прочитано две повести – «Серебряный купол в голубом небе», «Чистая вода» и десяток рассказов и очерков. Этого достаточно для

понимания идейной направленности и нравственных скреп авторского художественного слова.

Хоть все работы и сходны по тематике, идейному замыслу и стилистике, а также связаны между собой единством внутреннего настроения, – всё же каждое произведение обладает несомненной смысловой автономностью.

В них лётся мягкий гуманный свет, светозарно освещающий направления развития сюжетов.

Это сущий клад для анализа, отличающийся не только конкретностью зарисовок жизни и быта сибирской деревни, своеобразием характеров персонажей, но и глубоким психологизмом, соединением социальной, экологической и нравственной проблематики, прекрасным чувством языка и стиля.

Но дело даже вовсе не в этих «приговорах» литературоведа. Ведь аналитика художественного произведения в основе своей не может быть предвзятой, иначе просто перестает ею быть. Поэтому здесь лишь объективно фиксируется то, чем привлекательно творчество Н. Олькова.

И без особого анализа видно, что писатель хорошо знает и понимает душу и жизнь своих земляков, улавливает воздействие на нее исторических условий, различных внешних социальных сил.

Он разбирается в сложных вопросах современной будничной драмы не только деревенской жизни, но и всей страны после развала Советского Союза.

Художественная сторона его рассказов, вроде бы, и не отличается особенно выдающимися достоинствами, просто в них есть всё, что должно наличествовать в серьёзной прозе, но важно, что их настроение таит в себе элементы богатого творческого поиска.

Рассказы проникнуты философией жизни русской деревни в проявлениях ее и радостного, и тревожного бытия, в едва уловимых законах ее долготерпеливого и многострадального существования.

Изображаемая в ольковских рассказах жизнь – это, словно нескончаемая русская песня, – от колыбельной до поминальной, в которой есть всё: вскрики роженицы, всхлипы за умирающим; духмяные шлейфы родительского дома, све-

жеиспечённого хлеба в печи, – то есть, дух и запах родного очага; радость, любовь, вера, труд, и их антиподы.

«... Знал Макар, кто какие щи варит, вкусно из печи через чувал пахнет, или так себе. Знал и видел хлеба, какие укладывали ему бабы для мужей своих. Дивился на пышные булки, на круглые калачи, печеные на горячем поду...».

Или: *«Вкус пирожков с крупой и груздями мстительная память хранит и издается: не доводилось более вкушать таких».* (Рассказ «Мои грибы»)

Во многих повествованиях мы ощущаем присутствие русского духа, встречаем знакомые образы, страсти и поступки, то есть, узнаем жизненную логику, характерную для нашей повседневности.

Имена персонажей и мест, изображения природы, вводят нас в изобразительный быт, суровый и скромный, и, вместе с тем, несказанно привлекательный.

И кажется, что любовь Н. Олькова к малой родине – это тот духовный неизменный утес, на который изо дня в день набегает и бьёт волна будней, тцась вызвать, наконец, слабость, неуверенность, но так и разбивается об него, уплывая в прошлое и унося невзгоды.

Всё равно у него *«Село мое родное... Иду по улицам детства и смахиваю слезу со щеки, чтобы никто из земляков не заметил и не спросил, по ком я плачу...».* (Очерк «Как убивают деревню»).

Ведь это с писателем мы путешествуем и по этому родному селу, и *«по утраченному сонному лесу», «незаметно уходим в природу»,* собираем «свои» грибы (*«что гриб, вроде пустяк, а вот на размышления наводит», да и «не грибы в радость, а встреча с ними»*), наблюдаем *«исчезновение»* времени, когда *«воздух вытесняет из души суетную дрожь, и в голове абсолютная свобода»*, понимаем *«Василия Макаровича Шукшина в его встрече с березками в «Калине красной»: красавицы, невестушки, заждались!»*... (Рассказ «Мои грибы»).

Примечательно, что во всех описаниях природы у Н. Олькова присутствует идиллия, сохраняющая все обаяние человеческих впечатлений.

Вместе с автором мы переживаем простую жизненную трагедию Паши Менделёва, который всю жизнь маялся с совершенным по своему порочному нутру грехом – убийством родного отца, тушим пожар на Голой Гриве, разбираем крестовый дом в знак «прощения непрощаемого». (*«Крестовый дом на Голой Гриве»*). Читая этот рассказ, проникаешься глубиной страшного человеческого греха, расплата за который неминуема, как бы её не остерегался и не обходил стороной.

А с главным героем рассказа «Встреча» Вольдиком, который *«привиделся одинокой женщине в нагаду»,* посещая его малую родину, переживаем воспоминания его далёкой юности; наблюдаем, как отдельные моменты душевных движений «нового русского» вдруг приобретают у писателя многозначительность, потому что над ними простерт легкий покров вдохновенной авторской мысли.

В короткой сцене встречи с когда-то любимой девушкой нет ничего случайного и произвольного: каждая черта, каж-

дый душевный всхлип строго обдуманы автором и прекрасно подмечены.

В слезах Вольдика заключено авторское понимание того, что в жизни бывают минуты, в которых достаточно одного толчка, чтобы перевернуть образ мыслей, выработавшийся в течение нескольких лет, увидеть свою жизнь, свои поступки совсем в ином, порой неприглядном, свете.

Вольдику казалось, что, оторвавшись от родных корней, разбогатев, он изменился. Но именно здесь, в деревне, он ощутил боль утраченного родства с этим скромным земным уголком. Так меняется поверхность речной глади, волнуемая набежавшей ниткуда бурей, но на поверку она, знай, течёт своим руслом.

Волей автора мы встретились также с группой вернувшихся из фронта сельчан – безруких, безногих, утративших былую физическую удаль, но не потерявших интереса к жизни, чувства справедливости и сострадания. (*«Про Максима, инвалида, говоруна»*).

Можно было бы продолжать указания на гуманистическую направленность многих ольковских рассказов, того же *«Дядя Федя, тётя Таня»,* или *«Нюхач», «Букет», «Черёмухи цвет», «Фото с выставки»* и др., в которых для автора, как он пишет, было важным *«научиться мыслить познавать чувство»*. Но дело не в перечислении, а в том объединительном лейтмотиве любви к малой Родине, который слышится в каждом повествовании и благодаря чему они становятся дорогими и близкими читательскому сердцу.

Справедливости ради надо заметить, что отдельные характеры, носители реплик или шуток, к примеру, не воспроизведены со всей художественной полнотой, некоторые лишь контурно намечены, что объясняется избранной прозаиком формой коротких рассказов, порой даже зарисовок или новелл.

Тем не менее, они нам понятны и близки.

Явственная заслуга Николая Олькова в том, что в его повестях и рассказах, независимо от формата, сильны, что характерно для «деревенской» прозы, именно мировоззренческие, нравственные аспекты.

Его серьёзный талант тихо и скромно откапывает какие-то нетронутые уголки и успешно двигается литературной стезёй. Он, словно читает неизвестную нам книгу природы и человеческой души, заглядывает в их сокровенные тайники, которые нам недоступны так же, как невидима невооружённому глазу обратная сторона луны.

Писатель находит их прежде всего в новейшей истории России, в непривычной для себя психологии нравов и поступков своих персонажей, в мотивации их поведения.

«Перестроечная» Россия до наших дней – целое невспаханное поле для возделывания художественным словом. Пока что нет и помину о цельном, законченном, всестороннем воспроизведении современности с её борьбой и задачами.

И Н. Ольков смело становится в ряды таких пахарей в уже упомянутой ранее повести «Чистая вода».

Судьба главного её героя Григория Конакова – это трагедия целого поколения тех, кто одержал Великую Победу в Отечественной войне, кто строил новую жизнь в послевоенное время.

Ведь нельзя в одночасье стать тем, кем ты до этого никогда не был.

Нет-нет, здесь речь не о должностях и статусах, новых условиях жизни, – речь о душе, о русском характере, которые формировались веками, и передавались от поколения к поколению прежде всего на уровне обыденного сознания, чувственной сферы.

А то, что запечатлено чувствами, впиталось, как говорится, с молоком матери, – оно намного живучее того, что надиктовано разумом, тем более, пришедшего извне.

Распространение новой морали или верования не зависит от той доли истины или заблуждения, какую они могут в себе содержать. Как только они западают в души, неясность не обнаруживается более. Одно лишь время может ослабить их.

Проблему отцов и детей в новых условиях Николай Ольков представляет, как столкновение двух идеологий – гуманной народной (социалистической) и пришедшей новой – стяжательной и уничтожающей всё и вся.

Иной читатель, возможно, и укорит автора в ностальгии за прошлым, за порой слишком сгущенные тоскливые душевные туманы. Но их разлив в текстах – это не просто воспоминание, сожаление об утраченном благе быть собой, быть русским на своей родной земле, а скорее, негодование и боль... Это насущные вопросы, не дающие покоя сегодня русской душе.

«Как могло случиться, что сменились люди у власти, и все пошло к смерти?». *«Отчего молодёжь плюнула на деревню, и хоть на подхвате, но в городе?».* *«Почему это рабочий класс вдруг отвернулся от своего вечного союзника, закрыли всякое строительство на селе...».* *«До чего же быстро вы научились под плутовство и жульничество теорию подводить?!».* *«Как получилось, что его сын мыслит не как крестьянин, не как избранный народом руководитель, а совсем по-другому?».*

Ведь нелегко, ой, как нелегко бывшему фронтовику, в прошлом руководителю передового советского хозяйства, отцу семейства вдруг оказаться растоптанным новой российской перестроечной действительностью.

Богатое поле психологическому анализу открывается в прослеживании той борьбы, которая происходит в его душе между силой привычки и стремлением к лучшему порядку вещей, между робкой боязнью нарекания со стороны знакомых и незнакомых, с одной, и между мужественной самостоятельностью, с другой стороны.

«...начальник новорусский! Отец мой геройски погиб за народ и за Родину, сам я чуть не полвека спины не разгибал, орден имею, литровую банку значков и полную тумбочку почётных грамот. А ты в кого? Какую ты червоточину мог получить на чистых материнских перинах»

да на моей огаде, выскобленной? Что с тобой случилось, что перестал ты к людям лицом?»

Если Григорий Конаков раньше мерил свою жизнь настойчивостью, энергией, упорством, способностью жертвовать собой для идеалов добра, уважением к людям, которые создали величие его предкам и ему, то его сыновья оказались совсем другими.

Деликатные чувства в них заглохли; сознания собственного достоинства и чести для них не существует, прав собственной личности и личности другого они не понимают; и потому весьма многие вещи, которые претят отцу, не возбуждают в них ни малейшего, даже слабого, протеста.

«Времена наступили, дочка, сын против отца, отец против сына, пока ещё словесно, но, не дай Бог, дойдёт до кулачков».

«Почему? — спрашивает главный герой повести «Чистая вода», — разве не было в доме жестокого порядка: не ври, не воруй, не завидуй. Было... Тогда почему почти вдруг ребята его тоже сломались, какая ржа съела их благородный стержень внутри? А может, надо было плюнуть на все, пропади она пропадом и советская власть, и партия вместе с Зюгановым, если за всякое честное слово, за попытку вывести кого-то на чистую воду он платит сыновьям отторжением? Молчал бы, занимался пчёлами, рыбачил, как добрые люди, не влазил в дела детей своих — самостоятельных мужиков — и жизнь была бы спокойней, и дети в порядке, и Матренушка моя пекла бы пироги да щи варила? Что, разве не так? Да так, только это не для него. Откуда эта непримиримость? Может, от того, что сам всегда жил честно и чужой копейки в руки не брал, может, потому и бесило его, что тащат не своё, тащат наше, общее, не спросив, да ещё бахвалятся...».

И сам же себе отвечает: *«А от безразличия до глупости один шаг, и мы его сделали. Да, страна наша такая, что судьба каждого человека невидимой пуговиной связана с судьбой всей страны. Когда-то это было хорошо, когда всей страной работали и на человека, и на страну. «Вот видишь, — подумал Конаков, — если хорошенько порассуждать, к интересным выводам прийти можно. Возможно, где-то тут причина падения моих сыновей».*

Для творчества Н. Олькова, как и для многих произведений русских писателей-«деревенщиков», характерен тот своеобразный фольклорный базис, та почва, которая заведомо направлена на осознание чувства связи с родной русской землей, с несомненными ее православными корнями, уроками Закона Божия, составляющими прежде всего нравственные устои русской народной жизни.

У всех у нас дорога к осознанному православию разная. И никакие внешние ее атрибуты, в том числе, и временные, не могут по влиянию и значимости соперничать с этим подсознательным стихийным христианским мироощущением.

Для русского крестьянина испокон ве-

ков вера была животрепещущим каноном его жизни. На подсознательном уровне она существовала всегда, даже во времена неразумных коммунистических запретов.

«Что касается колоколов и крестов, то их сорвали еще в тридцатые годы, на правом крыльце до сих пор видна глубокая вмятина от большого колокола, который при ударе развалился пополам», — читаем у Н. Олькова.

И это правда. В течение 20–30-х годов XX века было уничтожено почти всё, что Православная Русь отливала несколько веков.

Показателен в этой связи диалог между Митей Рожнем и Иваном Берёзкой в связи с распоряжением снести сельскую церковь.

«— Ошибаешься, добрый человек, церковь не моя и не твоя и не их всех — она Господу Богу принадлежит, сиречь она и есть его дом на земле.

— Да хоть и дом. На небе он у вас живет, а дома на земле? Снесем, Однорукий, — злился Рожень. — Ровное место будет. Как будешь молиться? В лесу колесу?»

— Опять ошибаешься, добрая твоя душа. Месту будем молиться, святому, великую силу имеющему. Гляжу на тебя — не ты ли первым падешь ниц и станешь землю грызть и просить Бога убить тебя по грехам твоим?»

— Иди, иди, пока я тебя не проводил. Ишь, разве опум! Землю я буду грызть! Хрен тебе, Однорукий, коммунисты ни перед кем в ногах не валялись, тем больше — перед богом, вверяя придуманном» (Повесть «Серебряный купол в голубом небе»).

У Н. Олькова эта тема прямо или опосредованно присутствует и в повестях, и в рассказах.

«На церкви нашей колокол был о ста пудах, его на многие версты кругом было слышно. Отливали по заказу нашего купца и маслодела Кувшинникова, но колокол сбросили перед войной, Шурка Ляжин да Никитка Локотан дерзнули снять. Шурка вскорости утонул в Марае, а Никитка сгинул на фронте без весточки».

Сюжетная коллизия, в которой взяли на себя грех снятия колоколов и слова церкви люди впоследствии наказываются Богом, не нова, как и переживание очевидцев такого лихого действия, но то, как они поданы автором, трогает душу. К примеру, хотя бы этот эпизод:

«Тогда Костя стал представлять белый, серебряный купол, а потом золотой крест, и у него получилось, серебряный купол на фоне голубого неба принял крест, и они вместе поплыли ввысь, медленно, и Костя глядел, не сморгнув, на это чудо, пока слезы застлели глаза, и видение исчезло. Но он по-иному смотрел теперь на бывший еще утром сиротливый купол, хлопающий листами оторванного ветрами железа, на потрескавшуюся штукатурку церкви, они перестали быть чужими и беззащитными, церковь стояла теперь, как православный воин после изнурительной битвы, израненный, с пробитым шлемом,

одеждой, порванной мечами чужеземцев, почти истекающий кровью, но непобеденный. Костя вытер слезы и увидел рядом однорукого Ивана Березку.

— Ты плачешь, дитя мое? Господи, благослови сие мгновение! Ты видел, как серебряный купол с золоченым крестом уходил в небо? Радуйся! И Господу нашему великая радость. Благодать снизошла на тебя, сын мой, сохрани ее, и она проведет тебя по жизни прямо к ногам Бога нашего. Беги с миром!».

В стремлении к божеству, в развитии религиозности, в богомольстве, в хождениях по монастырям и к чудотворным иконам прожил не один русский православный род.

Об этом начинаешь думать, когда активный в прошлом коммунист Григорий Конаков, не желавший иметь в родстве подлецов, пусть даже ими стали сыновья, решает оставить теперь уж не по его духу светскую жизнь и уйти в монастырь. Что это? Бегство от нового времени, в котором не находит себе места его характер, или действительно переосмысление сущности человеческого бытия, или лишь намерение найти себя в новой религиозной ипостаси? Прямого ответа на этот вопрос писатель не даёт. И это не случайно.

Автор понимает, что путь к Богу индивидуален, своеобразно и его молитвенное обращение к нему. Каждый молящийся в отдельности в свою молитву вкладывает частицу себя, свои эмоции и восприятия, свои чаяния и дела. Одни молятся «остротой религиозного сомнения (Блаженный Августин, Паскаль); другие просьбой и домогательством; третьи — смиренным приятием судьбы и благодарением; четвёртые, может быть, ропотом и вызовом. Боттичелли и Сегантини молились своими картинами; Бетховен — своими сонатами и симфониями; Жуковский, Тютчев и другие поэты — своими стихами. Каждый человек взирает к Богу по-своему: один обращается к Нему только делами милосердия; другой — самоотверженным и вдохновенным научным исследованием; третий — ищет Бога в тихом созерцании природы...».

«К Богу много путей, самый верный — когда семья верующая и воспитала ребёнка в вере. Это, скорее, относится к старому, досоветскому времени. Теперь такое редко, разве что в семьях священников». (Повесть «Чистая вода»).

При приезде Григория Конакова в монастырь автор использует замечательную метафору — образ родниковой чистой воды — которую пьют паломники у стен обители, как символ его возврата к своим исконным русским православным корням, без которых вся предыдущая жизнь потеряла смысл.

«Нам, нынешним литераторам, не быть долговечными, — писал известный драматург, критик и публицист Николай Полевой в 830 году А. А. Бестужеву. — Таково наше время. Счастливы, кто возьмет у будущего вексель хоть на одну строчку в истории».

Искренне верю, что такой вексель Николай Ольков заслужил.

Памяти Евгения Евтушенко

Скончался знаменитый поэт Евгений Евтушенко. Скончался вдали от Родины, полузабытый, получужой. Его стихи в шестидесятые и даже позже собирали стадионы, а зал Политехнического музея стал его трибуной. Он откровенно не любил власть, но ему многое прощалось. Даже публичная дерзкая дискуссия с руководителем страны после посещения Хрущёвым выставки абстракционистов в Манеже не повредила карьере поэта. Советская власть наградила его Государственной премией СССР, орденами Трудового Красного Знамени, «Дружбы народов», «Знак Почета».

Но у известного поэта были иные идеалы, и в 1991 году он с семьей переезжает в США. Наезды в новую Россию, новые книги и ордена уже не вернули в сердца многих русских людей этого поэта. Их много, целые легионы, дающих совета издаека, поучающих, как нам перестроить или обустроить Россию, и он в их числе. «Поэт в России больше, чем поэт» – это слова Евтушенко. Он действительно большой поэт, а дальше? Больше – что? А это значит быть со своим народом, бороться за него, терпеть гонения и унижения, как десятки, сотни действительно русских писателей и поэтов. Наблюдать из-за бугра за народной трагедией и ронять при случае на-

сильственную слезинку – это постыдно. Евтушенко будет похоронен в Переделкино под Москвой, рядом со своим духовником Пастернаком, столь же безразличным к судьбам России. Два больших поэта, но не гражданина.

Соб. инф.

***

Идут белые снега,
как по нитке скользят...
Жить и жить бы на свете,
да, наверно, нельзя.
Чьи-то души, бесследно
растворяясь вдали,
словно белые снега,
идут в небо с земли.
Идут белые снега...
И я тоже уйду.
Не печалюсь о смерти
и бессмертья не жду.
Я не верю в чудо.
Я не снег, не звезда,
и я больше не буду
никогда, никогда.
И я думаю, грешный, –
ну, а кем же я был,
что' я в жизни поспешной
больше жизни любил?
А любил я Россию
всею кровью, хребтом –
её реки в разливе
и когда подо льдом,
дух её пятистенок,
дух её сосняков,
её Пушкина, Стеньку
и её стариков.
Если было несладко,
я не шибко тужил.
Пусть я прожил нескладно –
для России я жил.
И надеждою маюсь
(полный тайных тревог),
что хоть малую малость
я России помог.
Пусть она позабудет
про меня без труда,
только пусть она будет
навсегда, навсегда.
Идут белые снега,
как во все времена,
как при Пушкине, Стеньке
и как после меня.
Идут снега большие,
аж до боли светлы,
и мои и чужие
заметая следы...
Быть бессмертным не в силе,
но надежда моя:
если будет Россия,
значит, буду и я.

Из поэмы "Братская ГЭС"

Поэт в России – больше, чем поэт.
В ней суждено поэтами рождаться
лишь тем, в ком бродит гордый дух
гражданства,
кому уюта нет, покоя нет.
Поэт в ней – образ века своего
и будущего призрачный прообраз.
Поэт подводит, не впадая в робость,
итог всему, что было до него
Сумею ли? Культурты не хватает...
Нахвтанность пророчеств не сулит...
Но дух России надо мной витает
и дерзновенно пробовать велит.
И, на колени тихо становясь,
готовый и для смерти, и победы,
прошу смиренно помощи у вас,
великие российские поэты...
Дай, Пушкин, мне свою певучесть,
свою раскованную речь,
свою пленительную участь –
как бы шая, глаголом жечь.
Дай, Лермонтов, свой желчный взгляд,
своей презрительности яд
и келью замкнутой души,
где дышит, скрытая в тиши,
недоброты твоей сестра –
лампада тайного добра.
Дай, Некрасов, уняв мою резвость,
боль иссеченной музы твоей –
у парадных подъездов и рельсов
и в просторах лесов и полей.
Дай твоей неизящности силу.
Дай мне подвиг мучительный твой,
чтоб идти, волоча всю Россию,
как бурлаки идут бечевой.
О, дай мне, Блок, туманность вещую
и два кренящихся крыла,
чтобы, тая загадку вечную,
сквозь тело музыка текла.
Дай, Пастернак, смещение дней,
смушение веток,
сращенье запахов, теней
с мученьем века,
чтоб слово, садом бормоча,
цвело и зрело,
чтобы вовек твоя свеча
во мне горела.
Есенин, дай на счастье нежность мне

к берёзкам и лугам, к зверью и людям
и ко всему другому на земле,
что мы с тобой так беззащитно любим.
Дай, Маяковский, мне
глыбастость,
буйство,
бас,
непримиримость грозную к подонкам,
чтоб смог и я,
сквозь время прорубаясь,
сказать о нём
товарищам-потомкам...

***
Белле Ахмадулиной

Со мною вот что происходит:
ко мне мой старый друг не ходит,
а ходят в мелкой суете
разнообразные не те.
И он
не с теми ходит где-то
и тоже понимает это,
и наш раздор необъясним,
и оба мучаемся с ним.
Со мною вот что происходит:
совсем не та ко мне приходит,
мне руки на плечи кладёт
и у другой меня крадёт.
А той –
скажите, бога ради,
кому на плечи руки класть?
Та,
у которой я украден,
в отместку тоже станет красть.
Не сразу этим же ответит,
а будет жить с собой в борьбе
и неосознанно наметит
кого-то дальнего себе.
О, сколько нервных
и недужных,
ненужных связей,
дружб ненужных!
Во мне уже осатанённость!
О, кто-нибудь,
приди,
нарушь
чужих людей
соединённость
и разобщённость
близких душ!

«Правительство России водит народ по замкнутому кругу... Мы его разорвем!»

ВАСИЛИЙ МЕЛЬНИЧЕНКО ОБРАЩАЕТСЯ К ВАМ

Государство арестовало, задержало, оштрафовало и даже посадило в тюрьму многих моих товарищей.

Нет, нет... они не имеют дворцов, стоимостью от 3 до 10 млрд. рублей, они не носят часы стоимостью, как бюджет г. Тамбова. Они не депутаты Гос.Думы, не Губернаторы и даже не директора всевозможных контор ЖКХ, не владельцы банков и страховых компаний, где постоянно пропадают наши деньги.

Это трудяги: фермеры и водители фур, шахтеры и рабочие металлургических заводов, врачи и даже учителя, это студенты.

Они никого не убили, никого не покалечили, они ничего не урвали.

Они не согласились быть покорными скотами, крепостными и рабами ситуации.

Большинство из них пострадали от действий очередных бандитов и коррумпированных структур.

– У фермеров Башкирии, Краснодарского края, Воронежской области... отобрали землю, подделав мыслимые и даже бессмысленные документы.

– Шоферам-дальнобойщикам повесили на шею очередной налог.

– Шахтеров выбросили на улицу, оставив без работы и не выплатив заработную плату.

– Врачей и медперсонал уволили потому, что государство играет в оптимизацию.

– Учителей выгнали из школ потому, что школы закрыли.

Мои товарищи добивались справедливости, они добивались встречи с Президентом России, надеясь на очень для них важные решение их жизненного вопроса – они хотят работать, им надо кормить свои семьи.

И вот на – тебе. Их что, не поняли?.. Они враги России?.. Против них натравили отряды полиции. Вдумайтесь!, их окружают войсками. С автоматами и даже бронетранспортерами. Неужели государство решило стрелять в моих товарищей, только за то, что их семьи хотят есть, а их деньги отдают семье Ротенбергов?! Неужели в семье Ротенбергов, у которой миллиардов рублей больше, чем машин у дальнобойщиков, кончилась еда.

Уважаемый господин Президент!

Знаете ли Вы об этой ситуации? Знаете ли Вы, Владимир Владимирович, что в моих товарищей, которые стоят на улице, протеста против тех, кто у них отнял еду, в них собрались стрелять войска, которые напрямую подчиняются Вам.

Владимир Владимирович, мы с Вами имели разговор 14 апреля 2016 года.

Я Вам доносил, что в регионах планируют закрыть школы, больницы и детские сады. И обратил Ваше внимание на Ваши поручения от 6 мая 2014 года, которыми Вы по сути запретили подчиненным принимать решения, ухудшающие жизнь граждан.

Вы подтвердили перед всей страной, что НЕДОПУСТИМО закрытие ни одной школы, ни одной больницы, если эти учреждения необходимы людям.

И такой ответ, поверьте, очень понравился гражданам. Миллионы просмотров набрал этот сюжет в интернете. Однако, в 2016, 2017 и 2018 годах правительство закрывает и всё ещё планирует закрытие тех школ и больниц, про которые Вы сказали на всю страну «НЕДОПУСТИМО».

С того времени, как мы с Вами разговор вели, произошли многие события.

И самые плохие из них – это закрытие тысяч и тысяч бизнесов, производств. Люди остались без работы. И другой не предвидится.

Правительство, вместо того, чтобы создавать условия для организации предприятий, все больше уделяет времени и сил увеличению состава и оснащения полиции и армии.

Но нам нужны заводы и фабрики, нам нужны рабочие места в селах, деревнях и поселках. Нам надо зарабатывать средства, чтобы самим жить и растить своих детей в любви и достатке.

Все жители сел и деревень, все фермеры и главы сельхозпредприятий ждут завершения земельной реформы. Ждут закон об ограничении площадей во владении одной семьей. Ждут и надеются ограничить жадность владельцев агрохолдингов, губернаторов, олигархов, отнимающих землю у крестьян и работу у горожан.

Конечно, они сопротивляются. Митингуют. А по закону ничего не могут добиться. Люди в отчаянии и в обиде, и в ненависти.

Когда-то 110 лет назад, крестьяне сожгли за 1 год 2000 помещичьих и дворянских поместий.

Это же урок. Всем олигархам, всем свинокомплексам, которые сыграли свою роль в уничтожении сотен тысяч крестьянских хозяйств и эту обиду никто, НИКТО не забыл.

А государство встало на сторону олигархов, на сторону богатых людей, как будто это они добывают нефть и газ, сеют зерно, растят скот и доят молоко.

ЭТО В КОРНЕ НЕПРАВИЛЬНО.

ЭТО НЕСПРАВЕДЛИВО.

ЭТО ПОДЛО ПО ОТНОШЕНИЮ К НАРОДУ!

Дальнобойщики ждут одного – отмены несправедливого закона, так называемого «Платона». И его отменить надо!

И шахтеры, и рабочие, и врачи, и текстильщики... ждут новой экономической политики, которая будет направлена на ликвидацию безработицы и преодоление бедности.

Общественное движение «Федеральный сельсовет» сейчас ведет подготовку съезда делегатов сел, деревень и городов России «Укоренение народа на земле».

Это будет общая, всенародная, для всех партий, общественных движений, сообществ и властей переговорная площадка для решения плана выхода из сегодняшней непростой ситуации.

На этом съезде мы должны договориться с Государством по всем спорным вопросам:

– О власти;

– О справедливом распределении доходов от продажи ресурсов;

– О равенстве;

– О свободе;

– О чести чиновников;

– Об уровне бедности 146 млн. граждан территории России.

И самое главное, мы вместе договоримся и решим, как реализовать народный проект «Укоренение народа на земле».

Пока экспертные сообщества будут рисовать иллюзии до 2035 года, мы здесь и сейчас должны приступить к освоению великолепного пространства России.

У нас уже нет времени на раскачку и самообман!

Мы до сих пор пассивно наблюдали, как исчезают НАШИ села и деревни, как пустеют НАШИ города, как ликвидировать НАШУ индустрию и НАШЕ сельское хозяйство. НАШЕ!!!

Сейчас уже больше такого не должно быть!

Приступив к реализации проектов Программы, нам некогда будет выяснять какая страна лучше, а какая хуже, какой народ кем-то-избранный, а какой-то в изгоях должен прозябать.

Нам нужно ПЯТЬ лет спокойного созидательного времени. Это тот срок, когда маленький теленок становится полноценной коровой, а посаженный саженец яблони даст обильный урожай.

Вы, господин Президент, конечно, скажете, что это очень большая трудность.

Но у нас с Вами нет выхода. Мы это сделаем!

**В.А. Мельниченко,
02 апреля 2017, 19:05**

Справка: Василий Александрович Мельниченко. Руководитель крупного многоотраслевого сельхозпредприятия в Свердловской области. Последовательно отстаивает права селян на нормальную жизнь. Основатель и руководитель общественного движения «Всероссийский сельсовет».

• В ГОЛЫШМАНОВСКОЙ РАЙОННОЙ БИБЛИОТЕКЕ

Маргарита Башмакова,
директор Голышмановской районной библиотеки:

«Библиотека всегда будет пропагандистом книги»

– *Маргарита Александровна, у вас прекрасное трехэтажное здание, всегда много людей разных возрастов. Что такое Голышмановская библиотека?*

– Наше учреждение считается многофункциональным центром, и это правда, потому что мы организуем досуг молодежный, семейный, для пожилых людей, у нас есть для этого необходимые площади и оборудование. И в то же время остаемся библиотекой в самом первичном значении этого слова. Отдыхая – воспитываем. Наш принцип: поиграли – почитали.

– *Молодежь увлечена электронной книгой, более того, есть мнение, что бумажная книга себя изжила.*

– Я не разделяю эту точку зрения и как руководитель библиотеки, и как читатель. Электронная книга займет свою нишу, но бумажная никогда не уступит позиций. Я вижу это по своим читателям, по их запросам. Мы ежегодно проводим солидные закупки новых книг, и они не залеживаются на полках.

– *Библиотека – это связующее звено между писателями и читателями. Есть ли резервы его укрепления?*

– Хорошо повлияли на них года культуры и литературы в нашей стране. Мы установили хорошие контакты с писательской организацией, и сейчас писатели у нас частые и желанные гости. Читатели имеют возможность общаться напрямую, задают много вопросов, а потом ищут книги гостей.

– *В вашем районе есть свой замечательный писатель Алла Кузнецова. Очень сильные ее романы «Вечер», «Колхоз», теперь вот «Ферма». Она глубоко знает крестьянскую жизнь, владает словом, это очень интересный человек.*

– Библиотека дружит с Аллой Васильевной, любит ее. И читатели хорошо знают. Но у нас есть много самодельных авторов, которых мы тоже приглашаем, созданы клубы, объединения.

– *Маргарита Александровна, в нескольких районах библиотекам присвоили имена писателей-земляков, причем, положение позволяет делать это при жизни писателя.*

– И это правильно, добрые слова о себе любой человек должен услышать при жизни, а не на похоронах. Я взяла на заметку ваш намек, обсудим, предложим властям.

– *Сколько читателей в библиотеках района?*

– Порядка четырнадцати тысяч человек при населении в 26 тысяч, это неплохой показатель. Кстати, городские коллеги нам завидуют, там с читателем сложнее.

– *Как пополняются и обновляются фонды библиотеки?*

– Хочу отметить одну нашу особенность: наш читатель имеет доступ ко всему фонду, он распределен по направлениям, по возрастам. Закупаем книги в специальных магазинах, сейчас к нам проявляют интерес издательства, предлагают литературу. И мы с удовольствием приобретаем книги наших друзей – тюменских писателей.

Соб. инф.

Встреча с писателем

4 апреля 2017 года в конференц-зале Центральной районной библиотеки состоялась встреча с писателем Николаем Ольковым. С его творчеством знакомы многие, но каждая встреча с писателем интересна читателям. Николай Максимович не только рассказал о своих произведениях, но и ответил на вопросы, поделился с читательской аудиторией своими творческими планами. Всем было интересно узнать об истоках его творчества. Мероприятие получилось интересным и плодотворным. В завершение гости сделали памятные фотографии о незабываемой творческой встрече.

С сайта библиотеки

Венок Рубцову

Сергей Абрамов

* * *

Памяти Н. Рубцова

Хотелось молвить: Боже, упокой!..
Когда читал страницу за страницей.
Но чувствовал – не мертвый он, живой
Поэт Рубцов, отвергнутый Столицей.
«Вот желтый куст...» – пытаюсь заучить,
Вот дальше вижу лодку «...кверху днищем».
Да это ведь о том, что нам не плыть, –
Не надо плыть туда, где злоба свищет.
А вот строка: «...забытое в грязи...» –
О колесе тележном с сожаленьем.
О чём же пел ты, песенник Руси? –
Дряхлеет память с каждым поколеньем.
Но если слово на душу легло,
То время над душой уже не властно.
Со словом нам, ей-богу, повезло, –
Вся русская земля к стихам причастна.

Юрий Кузнецов

(1941-2003)

* * *

Не дом – машина для жилья.
Давно идёт сыра земля
Сырцом на все четыре стороны.
Поля покрыл железный хлам,
И заросла дорога в храм,
Ржа разъедает сердце родины.
Сплошь городская старина
Влачит чужие имена,
Искусства нет – одни новации.
Обезголосел быт отцов.
Молчите, Тряпкин и Рубцов,
Поэты русской резервации.
1988

Нина Груздева

(1936–2016)

У ПАМЯТНИКА РУБЦОВУ

Ты жил, как Бог, без хлеба и без крыши,
Любой приют – твой временный причал.
Ты говорил – народ тебя не слышал,
Народ других провидцев привечал.

Давно звенит твое святое имя.
И все, твоей причастные судьбе,
Провидцы – оказались вдруг слепыми...
О, как они завидуют тебе!
1998 г.

Николай Денисов

(1943-2017)

ВСПОМИНАЯ РУБЦОВА

Осенний сквер прохладою бодрил,
И битый час, нахохлившись над книжкой,
Я что-то бодро к сессии зубрил,
А он курил, закутавшись в плащишко.
Скамья, и рядом признанный поэт!
Заговорить, набраться бы отваги,
Мол, я из той – хотя без эполет! –
Литинститутской доблестной общаги.
Он всё сидел, угрюм и нелюдим,
Круженье листьев взором провожая,
И вдруг сказал: "Оставьте... всё сдадим!"
Я подтвердил кивком, не возражая.
"Вы деревенский?" – "Ясно, из села!" –
"Не первокурсник?" – "Нет, уже не гений..."
В простых тонах беседа потекла,
Обычная, без ложных откровений.
Вот пишут все: он в шарфике форсил.
Но то зимой. А было как-то летом:
"Привет, старик!" – рублевку попросил
И устремился к шумному буфету.
Теперь он многим вроде кунака,
Мол, пили с Колей знатно и богато!
А мы лишь раз с ним выпили пивка
И распрощались как-то виновато.
Потом о нём легенд насотворят
И глупых подражателей ораву.
При мне ж тогда был фотоаппарат,
И техника сработала на славу.
Он знал и сам: легенды – ерунда,
А есть стихи о родине, о доме.
Он знать-то знал – взойдет его звезда,
Но грустен взгляд на карточке в альбоме.
1989

Сибирь. Родная природа

Издание осуществляется при поддержке Правительства Тюменской области

Тюмень
Литературная

Учредители: частное учреждение редакция газеты «Тюмень литературная».
Газета зарегистрирована Управлением федеральной службы по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций по Тюменской области, ХМАО-ЮГРЕ и ЯНАО.

Рег. св. ПИ № ТУ72-01186

от 10.12.2014 г.

Адрес издателя и редакции:
627440, г. Бердюжье,
Тюменская обл.,
ул. Гагарина, 16
olkov46@mail.ru

12+

Редактор Николай Ольков

Газета отпечатана в ОГУП «Шадринский Дом Печати» комитета по печати и средствам массовой информации Курганской обл., 641870, г. Шадринск, ул. Спартака, 6, тел.: 6-33-51.

Подписано в печать 25.04.2017. Тираж 200 экз.
Заказ № 172. Цена свободная.
Компьютерный дизайн и верстка С. Н. Пятковой.
Корректор В. П. Бумагина.

Позиция редакции может не совпадать с позицией авторов материалов.